

*Наслаждаться жизнью,
не оглядываясь на тени
из прошлого*

АЛИНА ЗНАМЕНСКАЯ

РУССКАЯ НАСЛЕДНИЦА

роман

Алина Знаменская

Русская наследница

«АСТ»

2012

Знаменская А.

Русская наследница / А. Знаменская — «АСТ», 2012

ISBN 978-5-17-060543-9

Все это началось почти как в любовных романах, которыми зачитываются женщины... Скромная, серьезная молодая женщина поклялась новому русскому, что готова, дабы получить нужную сумму, на любые его условия. Ее ребенок тяжело болен, и очень нужны деньги, чтобы оплатить операцию. Возможно ли, чтобы эта безжалостная сделка стала для мужчины и женщины первым шагом к НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ? Конечно – да! Ведь путь любви извилист и неисповедим, и пройти по нему могут только двое – сами влюбленные...

ISBN 978-5-17-060543-9

© Знаменская А., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алина Знаменская

Русская наследница

Глава 1

– Госпожа Щебетина? Это Нью-Йорк. С вами говорит служащий концерна «Юнико»...

Катя просто уверена была, что это шутка. Идиотская шутка кого-то из бывших одноклассников. Было у них в классе несколько типов, способных так пошутить. Но кто именно? Маркелыч давно отец семейства, и жизнь его скрутила так, что у него времени не осталось на выдумки. Гусев находится в служебной командировке в Чечне. И ему-то как раз не до подобных шуточек. Мог, конечно, так приколоться Герка, но Герка сидел.

– Должен с прискорбием сообщить вам, госпожа Щебетина, что господин Юнин скончался от сердечного приступа.

Мать с миксером в одной руке и с кастрюлей в другой появилась в дверях. Ей показалось, что дочь что-то странное мелет по телефону.

– Опять балуются?

Наконец Катя положила трубку. Вопрос матери остался без ответа.

– Ты что – язык проглотила? Кто звонил-то?

Катя села на диван, потом зачем-то сбегала в комнату отца, вернулась и села на прежнее место.

Старшая сестра вышла из ванной с чалмой из полотенца на голове.

– Что-то случилось?

Даша последнее время стала склонна к ожиданию плохих новостей, и поэтому ошарашенный видок сестры не застал ее врасплох.

– Звонили из Америки, – проговорила Катя, с удивлением прислушиваясь к собственным словам. – Сказали, что Славка Юнин умер.

Несколько секунд все молчали. Катя почему-то отметила, что Даша становится похожа на мать. Ее некогда тонкая фигура потеряла форму, размылась. Начала полнеть. И все же черты лица от этого не пострадали. Вот сейчас Дарья подняла свои бровки домиком, глазщицы распахнула. Скорбящая мадонна, да и только. Удивительно, как Даша помнит всех одноклассников младшей сестры.

– Из Америки? – переспросила мать. – А почему именно тебе звонят?

– У него больше никого не осталось... – вместо Кати прошептала Даша. У нее уже давно дружно бежали слезы. – Бабушка-то давно умерла...

Катя внимательно наблюдала за матерью и сестрой. Поверили. Судя по их реакции – все возможно. Может быть, ее никто и не разыгрывает? Получается, что Юнин и правда умер.

У него был врожденный порок сердца, это все знали. Когда мальчишки толпой ходили в военкомат, Славка оставался на уроках с девочками. В армию его так и не призвали. Нет, все-таки – чушь! Они же такие молодые! Осталось одно: это он сам так мог подшутить над ней. Вот именно: тест на жадность!

– Согласно завещанию господина Юнина, вы являетесь его единственной наследницей...

Ну конечно! Шутник... Хорошо хоть она не повела себя как последняя дура, не закричала в трубку: «Вылетаю немедленно!»

Она прежде всего сказала, что считает подобные шутки идиотскими. А потом добавила, что даже если, не дай Бог, это все правда и Славка Юнин в свои тридцать лет только и делал, что думал о смерти и поспешил составить завещание (лично она от всей души желает ему доброго здравия), но ежели все-таки это случилось и он завещал ей, Кате, все свое добро, то

ей от этого ни жарко ни холодно. Где она, Катя, а где – Америка? Прилететь она все равно не сможет, потому что деньги на билет ей придется собирать по всему городу, а свободных денег сейчас ни у кого нет.

Когда она все это изложила, на том конце провода промычали что-то по-английски, а затем на ломаном русском пообещали позвонить еще.

...Мать, глядя на Дашу, тоже заплакала. Слеза скатилась по щеке и капнула в тесто для блинов. Обе смотрели на Катю с сочувствием и осуждением одновременно. Почему, мол, ты не плачешь, не присоединяешься? Кино!

Катя хмыкнула и показала матери на место рядом с собой на диване. Та села.

– Мам, ты еще не все знаешь, – проговорила Катя, прислушиваясь к собственному голосу. – Дело в том, что все свое состояние, а оно, по словам звонившего, немалое: руководство компанией, счет в банке, две квартиры – все это якобы Юнин завещал... мне.

– Любовь! – выдохнула мать.

– И ты теперь... уедешь в Америку? – В глазах сестры было отчаяние. Будто она, Катя, в «горячую точку» собралась, на подвиги.

– Эй, вы обе! На сериалах вскормленные! – строго прикрикнула она. – Неужели думаете, что это может быть правдой? Да шутка это! Очередной привет Славки Юнина. Вот увидите, явится на днях с цветами.

Мать обиженно засопела.

– А ведь как он любил тебя, – с робким упреком вспомнила Даша.

– Прошляпить такого парня! – подхватила мать. – Нужно быть круглой душой!

– Начинается!

Катя забрала из рук матери кастрюлю с тестом, миксер и отправилась в кухню. Настроение было испорчено.

В своей жизни бы лучше разобрались, чем к ней с упреками соваться. На нем что, написано было, что он таким удачливым окажется? Даже если все знать наперед, как полюбить, если не любит? В двадцать лет не очень-то думалось о деньгах. Любви хотелось... Катя включила газ и полезла за сковородкой. Спинай она почувствовала, что мать вошла в кухню и стоит у раковины. Даша тоже рядышком: волосы в прихожей расчесывает. Обе в мыслях о наследстве. Взбаламутил семейство пресловутый звонок. Только папы с племянниками не хватает, а то и они бы каждый по версии выдвинули.

Мать не выдержала первая:

– Я всегда говорила вам: смотрите лучше! Такие мальчишки были рядом, а вы обе за кого уцепились?

– Мам... – жалобно протянула Даша и включила фен. Мать обратила взор на спину младшей дочери, Кати.

– Юнина твоего, между прочим, видно было сразу. Математик, умница, хоть и рос без отца. Один из класса с золотой медалью окончил! – Шум фена мешал матери, и она заговорила громче: – И ведь какой постоянный! Класса с восьмого за тобой ходил? Ни на кого не смотрел. А ты кого выбрала? Нарочно не придумаешь!

Катя включила миксер и принялась работать над тестом с усердием бурильщика. Мать плюнула и ушла в комнату. Но тесто, увы, взбивается за минуту, и ровно через минуту мать вернулась в кухню за сигаретами.

– Рядом был золотой человек, а ты ухватила за бандита!

– Полегче, мам.

Катя налила теста на раскаленную сковороду. Эти еженощные вылазки к матери она терпит исключительно из-за отсутствия в общежитии приличного душа. Если бы не это обстоятельство, она, пожалуй, ограничилась бы посещениями родительского дома раз в две недели. Нет, конечно же, она очень любит мать и сестру, но это бесцеремонное вторжение в частную

жизнь иногда просто ввергает в отчаяние. Мужчины в этом отношении – дело другое. Отец никогда ни во что не вмешивается, пока его не попросишь. Брат Вадик способен на решительные действия, но на язык сдержан. И потом – в родительском доме он бывает крайне редко по причине военной службы.

– И хоть бы расписались, а то... бегают к тебе, когда ему вздумается, а ты дожидаясь! Вот теперь где он ошивается? Деньги просадит и прибежит, а ты дожидайся!

– Мама! – Тон Кати становится грозным.

Надежда Семеновна поняла, что переборщила, и постаралась смягчить невольно вырвавшиеся слова:

– Это я к тому, что с Юниным ты была бы – жена, а с этим ты...

– С Юниным я бы сейчас была вдовой! – перебила ее Катя, с грохотом ставя сковороду на плиту. – Ты это хотела сказать?

– Типун тебе на язык! – подскочила мать. – Может, он жив-здоров, а этот звонок – чья-то дурацкая шутка...

– Что и требовалось доказать, – удовлетворенно произнесла Катя, наливая на сковороду новую порцию теста. – Дарья, иди жарь! Я – в ванную.

Закрывшись в ванной, Катя включила холодную воду и умылась. Глянула на себя в зеркало. Она никогда не могла понять, с чего Юнин так запал на нее. Она не похожа ни на мать, ни на сестру. И та и другая – в теле, да и черты лица поярче. Катя же в отца – сухопарая и блеклая какая-то.

«Ты не такая, как все, – говорил Юнин. – У тебя все внутри». Что уж там внутри мог разглядеть Славка, осталось для Кати секретом. Что же касается того, что снаружи, она годам к двадцати научилась слегка приукрашивать. Пыль окружающим в глаза пускать. Необходимо, как оказалось, два-три штриха косметики, чтобы ее лицо заиграло всеми красками. Раз-два, и перед вами новая Катя. Только кому все это нужно?

Катя посильнее открыла кран, чтобы не слышать ворчания матери.

* * *

– Она даже не была его любовницей! – Сюзи Уэлдон оторвалась от компьютера и многозначительно взглянула на приятельницу. Кэрролл только что принесла почту для управляющего, и у девушек возник отличный повод поболтать.

– Но может быть, она его кузина? Или что-то в этом роде? Дальняя родня?

– Как бы не так! Даниел утверждает, что они всего лишь учились в одном классе! Как тебе это нравится? Первая любовь, причем безответная. Можешь себе такое представить?

– То, что любовь бывает безответной, – могу. Но чтобы завещать ей все свое состояние... Эти русские просто шизанутые. Неужели у него нет настоящих родственников?

Кэрролл пожала плечами и села за секретарский стол Сюзи. Если случайно заглянет Филипп или кто-нибудь из отдела маркетинга – она сортирует почту. Тут полно газет и рекламных проспектов.

– Разве он русский? – с интересом продолжила она эту тему. – Я думала, что Станислав – польское имя. Он не поляк?

– Он русский. Он приехал из России лет семь назад. Да, лет семь или около того. Без гроша в кармане. Все, что у него было, – это его умная голова.

– Семь лет? Слишком короткий срок, чтобы сколотить капитал, встать во главе компании и преуспеть в бизнесе. Тебе не кажется?

Сюзи включила кондиционер и достала из холодильника ледяной тоник. Жара.

– И все же он сделал это, – подтвердила она. – Бедняга не собирался умирать в расцвете сил. Он работал как проклятый. Возможно, он надеялся когда-нибудь покорить ее или хотя бы привязать к себе этим наследством? Последние три года он ни разу не брал отпуск.

– Подумать только!

Дверь открылась, и в приемную вошел управляющий. Кэролл поднялась, захватив кипу рекламных проспектов.

Филипп Смит, похоже, был серьезно озабочен. Его высокую, легко узнаваемую фигуру сегодня особенно портила сутулость. Меж бровей пролегла глубокая складка. Управляющий словно взял на себя чей-то груз. Впрочем, прическа, как обычно, была безукоризненна – копна жестких темно-каштановых волос тщательно разглажена гелем. Сьюзи знала, что, если их не разглаживать, они будут кудрявиться. Однажды она попала в общую с Филиппом компанию на уик-энд и подметила эту деталь. Кажется, кроме нее, в фирме этого никто не знал. Филипп обычно строго придерживался избранного имиджа.

Он мельком взглянул на бумаги в руках Кэролл и сказал:

– Я попрошу вас, Сьюзи, напомнить всем приглашенным, что совещание начнется через пять минут.

Он стремительно пересек приемную и скрылся в кабинете.

Сьюзи и Кэролл переглянулись. Они поняли друг друга без слов. За последние две недели Филипп разучился улыбаться. Жаль, ведь его так украшает улыбка. Похоже, внезапная смерть босса по-настоящему потрясла его. Кажется, они даже были друзьями. Друзьями не для совместных уик-эндов, а в том смысле... Говорят, когда у Филиппа начались проблемы с Деборой и он от отчаяния не знал куда себя деть, ходил мрачнее тучи, Станислав пригласил его к себе в гости. Вроде бы они там пили водку и говорили о жизни. Босс сам предложил Филиппу свою жилетку для слез, и тот, надо сказать, после нередко прибегал к этому способу облегчить душу. Он мог заявиться к Станиславу среди ночи, что называется, в состоянии аффекта и уйти на другой день с совершенно светлым взглядом на жизнь. Сьюзи приходилось общаться с женой Филиппа, Деборой. Та еще фурия. Дебора умела кого угодно довести до белого каления, с ней все ясно, но вот Станислав... С какой стати он брал на себя роль психотерапевта и чем таким особенным он мог утешить интересного респектабельного Филиппа, потерпевшего фиаско в семейной жизни? Неясность порождала сплетни и занимала умы таких служащих концерна «Юнико», как Сьюзи и Кэролл.

Помощник Филиппа, Даниел, появился в приемной минуту спустя, и вскоре все, кого пригласили, собрались в просторном кабинете управляющего. Сьюзи на правах секретаря последовала за приглашенными, а Кэролл осталась в приемной изнывать от любопытства.

Сегодня Филипп Смит был слишком официален. Сьюзи сделала вывод, что разговор не будет изобиловать подробностями. Она подавила вздох и положила перед собой блокнот.

– Я собрал вас всех, чтобы объявить о содержании завещания господина Юнина и тем самым поставить все точки над i.

Сьюзи посмотрела на Даниела. Он как-то обмолвился, что, возможно, Юнин и Смит – голубые. Чушь. Сьюзи ни на секунду не поверила. От Филиппа всегда исходило что-то чисто мужское. Когда он проходил мимо стола Сьюзи, у нее обычно щекотало в животе и мурашки пробегали по шее. Просто Филиппу не повезло с женой. Теперь той нужны его акции. Бракоразводный процесс длился второй год, и супруги до сих пор не пришли к компромиссу. Бедняга Филипп! Что же касается покойного Юнина... Непрошенные мысли Сьюзи разогнал уверенный голос Филиппа:

– Все свое движимое и недвижимое имущество, а именно: акции компании, квартиру в Нью-Йорке и квартиру в Калифорнии, банковские счета – господин Юнин завещал госпоже Щебетиной, которая проживает в России.

Филипп сделал паузу, предвидя вопросы, но никто не посчитал нужным ее нарушить. Даниел прятал свои смешинки под ресницами, остальные были бесстрастны. Сюзи открыла было рот, но поняла, что вопрос о родстве Юнина с женщиной из России прозвучит неуместно, и промолчала. Филипп поднялся со своего стула и прошелся по кабинету.

– Поскольку господин Юнин владеет... владел контрольным пакетом акций, руководство компанией перейдет в руки его законной наследницы.

– Что-нибудь известно о ней? – раздался голос из совета директоров.

Филипп вздохнул.

– Известно только, что ей около тридцати лет. Она не замужем. Живет в одном из центральных районов России. В родном городе господина Юнина.

– Не густо.

– Ну а если русская наследница откажется от наследства? – вдруг подал голос Даниел. Причем он не пытался скрыть иронию. Сюзи догадалась, что Дэн, как обычно, известно больше других. По кабинету пробежал ропот. Филипп и Даниел несколько секунд молча смотрели друг другу в глаза. Филипп – отстраненно и задумчиво. Даниел – насмешливо и вызывающе.

– Если русская наследница по каким-либо причинам откажется вступить в наследство, акции будут поровну поделены между членами совета директоров, а остальное имущество перейдет в фонд помощи больным детям. Такова воля покойного.

Филипп снова занял место за столом и оглядел присутствующих. Не пропустил он и Сюзи. Та ужаснулась боли, которая плеснулась на нее из глаз управляющего. Он страдал. Ее поразила догадка: он тоскует по Юнину! И его меньше всего сейчас волнуют акции, перешедшие к русской женщине. Вот это номер! А ведь кого, как не его, должно волновать все это? Ведь именно он мог занять главное место в совете директоров и возглавить компанию после смерти босса.

Сюзи беспомощно оглянулась, будто ища подтверждения своим мыслям, и наткнулась на насмешливый взгляд Даниела.

– С чего такие прогнозы? – громко спросила она. – Где ты видел женщину, которая отказалась бы от такого состояния? Тем более у них в России сейчас не лучшие времена, не так ли?

– Все так, – подхватил Дэн. – Но ты бы слышала, что она ответила мне, когда я дозвонился до нее!

– Что же?

Все присутствующие обратили взоры на Даниела. Сюзи поняла, что Филиппу известен ответ наследницы.

– Она сказала, что у нее нет денег на билет до Нью-Йорка. И по этой причине она вряд ли сможет приехать, чтобы вступить в наследство. А в завещании есть пункт, который Филипп забыл упомянуть... Госпожа Щебетина сможет наследовать ему только в том случае, если согласится на переезд в Америку.

– Так и сказала, нет денег на билет?

– Именно.

Кто-то попробовал хихикнуть, кто-то присвистнул. Но Филипп поднял глаза, и все стихло.

– Если по каким-то причинам госпоже Щебетиной будет затруднительно приехать, я сам полечу в Россию и отвезу бумаги. А потом буду сопровождать ее сюда. Есть еще вопросы?

Даниел перестал улыбаться, Сюзи увидела, какие черные и блестящие у Дэна глаза: он так распахнул их, что они стали казаться вдвое больше.

– Да, я полечу в Россию, тем более накопилось достаточно дел, которые раньше решал в России Станислав. Теперь придется этим заняться кому-то из нас. Вот я и займусь.

«Бежит от своей Деборы», – подумала Сьюзи и отчетливо услышала, как за дверью чихнула Кэрролл.

Глава 2

Даша обманула мать, сказав, что едет на семинар по новым лекарствам от аллергии. Она взяла отгул и осталась дома. Время от времени ей просто необходимо побыть одной. Даша с утра проводила Анютку в школу, отвезла Витальку к родителям, а сама вернулась домой. Первым делом порылась в Анкиной свалке аудиокассет, разыскивая что-нибудь поспокойнее. Нашла инструментальные композиции Димы Маликова. Поставила кассету в магнитофон. Музыка моментально подхватила ее мятежное настроение и начала укачивать. Даша принялась за уборку. Прежде всего – шкаф. Полки с вещами дочери. Дашу удручала неаккуратность Ани. Вот Виталька совсем другой. Его конструкторы, многочисленные пазлы, блокноты и видеокассеты всегда в идеальном порядке. Если бы он был как все дети... Скорее всего он прекрасно учился бы и был бы опорой матери. У него какая-то патологическая тяга к порядку. Конечно, эгоистично с ее стороны было отвезти его сегодня к матери. Та в течение последних двенадцати лет и так практически с ним неразлучна. Но мать отдыхает хотя бы в Дашины выходные. Или когда дед, Дашин отец, берет мальчика с собой на турбазу. У Даши же практически нет дня, когда бы она могла побыть одна... Даша наконец развесила Анюткины комбинезоны, брюки, блузки и перешла к полкам с бельем. Отсутствие у дочери стремления к порядку компенсировалось ее успехами в учебе. Слава Богу, хоть в этом нет проблем. Приятно ходить на родительские собрания и слушать об успехах Ани. Лет с пяти девочка была совершенно самостоятельным ребенком. По утрам сама разогревала чайник, одевалась и тихонько уходила в детский сад, а позже – в школу, благо и то и другое находилось во дворе. Анютка рано поняла, что матери трудно приходится с братом. С ним надо много заниматься: играть, читать, разговаривать. Чтобы он потихоньку, по капельке продвигался в своем развитии. А уж эти Виталькины приступы... Иногда они были так часты, что совершенно выматывали Дашу. Были периоды, когда припадки эпилепсии забывали о Витальке, но о них не забывала Даша. Сама возможность их продолжала держать ее в постоянном напряжении, не позволяя расслабиться.

Даша давно жила в условиях постоянного, непроходящего стресса. Как говорится, «в обстановке боевых действий». Вечные проблемы, бесконечная нехватка денег держали ее под прицелом, не давая забыть, что она, Даша, боец. Кто кого одолеет – она эту жизнь или, наоборот, жизнь ее, Дашу? И никогда, даже в самые благополучные минуты Даша не осмеливалась считать себя победителем. Она знала, что это всего лишь передышка перед боем.

Даша покончила с бельем и приступила к письменному столу. Когда дочь привыкнет ставить учебники на полку? Сколько раз просила ее об этом! Нет, она упорно оставляет их вперемешку с тетрадями бесформенной горой на столе.

Даша сложила учебники и принялась сортировать тетради. Под хаосом разноцветных тонких лежала раскрытая толстая, исписанная острым и ровным, как новый забор, почерком Ани.

«Сегодня я не хотела идти в школу. Андрей болеет, и класс без него кажется пустым», – прочитала Даша и перелистнула тетрадь на несколько страниц назад. Надо же, ее дочь ведет дневник – как она, Даша, в детстве. Те же глупые записи, то же постоянное состояние влюбленности... Вся душевная жизнь сосредоточена в каком-то Андрее, а о ней, матери, всего несколько фраз: «Получила тройку по контрольной, мама еще не знает...» «Нужно попросить у мамы новые кроссовки...»

Даша перелистнула несколько страниц, бегло просматривая. Ну, вот теперь Андрей забыт, и все записи о каком-то Саше. Хорошо хоть в свои двенадцать Анька остается нескладной и угловатой и мальчишки пока не разглядели в ней Прекрасной Дамы, а то... Скоро за ней нужен будет глаз да глаз. Даша уже собиралась захлопнуть тетрадь, когда наткнулась на запись, которая как магнитом притянула ее внимание: «Сегодня я проснулась с непонятной

тоской в сердце. Я долго лежала и смотрела в потолок, пытаюсь представить, что дома у нас как раньше... Папа! Я так скучаю по тебе! Наверное, и ты думаешь обо мне сейчас, я это чувствую. Где ты, папа?»

Дашу как кипятком обожгло. Кровь бросилась в голову. Даша не видела бывшего мужа больше двух лет, хотя прекрасно знала, что он в городе. Больше двух лет она не получала от него алиментов или хотя бы каких-нибудь вестей. От знакомых она то и дело слышала, что его видели то там, то сям с новой женой и малолетним сыном.

Рана, нанесенная разводом, долго кровоточившая у Даши в душе, вроде бы зарубцевалась и, если ее не трогать, не очень-то и болит, а тут... По этой ране словно ножом полоснули. Даша задохнулась. Боль дочери со всего размаха врезала ей под дых. Даша согнулась в кресле и приклеилась глазами к тетради.

«Как я люблю тебя, папа! Я знаю, что и ты меня любишь, не можешь не любить. Может быть, Витальку ты любишь меньше, но меня... Я храню все твои подарки, которые ты сделал мне с тех пор, как не живешь с нами. На девять лет ты подарил мне плеер, и я его очень берегу, не даю Витальке, а то он может сломать. Когда я ложусь спать – надеваю наушники и слушаю музыку. Когда мне исполнилось десять, ты подарил мне ветровку. Она уже мне мала, но я храню ее как память. Мама хотела отдать ее соседке, но я не дала. Ведь это твой подарок».

Поначалу Кириллов приходил к детям и даже брал их к себе. Его новая жена хотела выглядеть великодушной. Анютка обычно мало чего рассказывала после таких встреч, и все подробности Даша узнавала от сына. Он так и остался ребенком, не умеющим врать. Однажды Кириллов вместе со своей Людмилой заехал за детьми на машине – покатать. А заодно рисануться новым автомобилем. Когда все уселись, Виталька начал канючить:

– Кириллов, вернись к мамке. Зачем ты такой дурак, попроси прощения, мамка простит, она добрая...

Даша легко могла представить, какую реакцию вызвали Виталькины просьбы у Людмилы. Не представляя, как вести себя с такими детьми, как Виталька, она, вероятно, не сумела скрыть раздражения.

– А ты, тетя Люся, сука и б...! – громко ответил он на ее выпады. – У тебя своего мужа нет, ты чужого украла. Ты – воровка! Ты старая и некрасивая! Кириллов, поехали домой!

После этого инцидента Кириллов перестал забирать детей, но все еще приходил сам. Правда, все реже...

«Папа, – писала Анютка в никуда в своей интимной тетради, – почему ты не приходишь ко мне? Почему? Если ты не хочешь встречаться с мамой, приходи ко мне в школу. Я так тоскую по тебе! Я не видела тебя два года. На последний день рождения ты ничего мне не подарил. И не пришел. А я тебя ждала не из-за подарка! Но ты так и не пришел...»

Даша уже редела, не сдерживая рыдания. Вся боль, осевшая на дно, взбултыхнулась, замутила душу. Анька посвятила блудному папаше без малого три страницы своего дневника. Получилась целая ода, полная любви и отчаяния.

Когда перестали приходиться алименты, Даша пыталась найти Кириллова через милицию. Там ей ответили, что Кириллов в городе не прописан, а по месту прописки в деревне у матери не проживает. Его новая жена поменяла квартиру, родила ему сына, и он порвал с прошлой жизнью. Прекратил всякие отношения с ней, Дашей, с Виталькой, с Анюткой. Он находился в розыске из-за неуплаты алиментов и при этом спокойно жил в городе, занимался бизнесом жены. Найти его не могли. То, что пережила Даша за эти годы, было тяжело и тоскливо. Но то, что она переживала сейчас, читая Анечкин дневник, было хуже. Она вскочила и заметалась по квартире, натыкаясь на вещи. Попадись ей Кириллов в эту минуту, дело могло плохо кончиться. Он получил бы за каждую Анькину слезу. Вероятно, Кириллов смутно подозревал это, недаром так тщательно избегал встреч с бывшей женой. В их крошечном городе это было довольно непросто.

Даша сбросила халат и натянула летнее платье. Она не знала, куда пойдет, но оставаться в замкнутом пространстве своей двухкомнатной квартиры больше не могла. Ее вынесло на улицу в раскаленное марево майского полдня. Она стремительно пересекла двор, вышла к автобусной остановке. Тут же поняла, что стоять и ждать автобус не в состоянии. Пошла дальше, через площадь, мимо рынка к общежитию, где жила и работала младшая сестра Катя. Уже войдя во двор общежития, Даша вспомнила, что Катя уехала. Женщина опустилась на скамейку и тупо уставилась в асфальт. Кати нет. Значит, придется идти еще два квартала на работу к подруге. Даша просто не могла не выплеснуть на кого-нибудь избыток своего горя. Она уже дошла до магазина «Детское питание», когда увидела Виктора. Витька Пашкин, давний возлюбленный сестры Кати, был в обществе дам. Дамы уже нырнули в машину, а он замешкался, рассовывая пакеты с едой в багажнике.

– При-ве-ет... – мягко пропела Даша, удивленно слушая свой изменившийся голос. – Гуляем?

Она фамильярно положила руку на плечо Пашкина. И прищурилась. Вот та жертва, которая примет на себя избыток Дашиного негативного состояния! Заслужил. Лет десять Витька изматывает Катю своей непонятной любовью. Когда нужно было выбирать между умницей Юниным и хулиганом Пашкиным, Катя, к негодованию родных, выбрала второго и по сей день расплачивается за свой выбор. Вот опять: столько времени он мотался черт знает где, теперь вернулся в город, пирует. А потом заявится к Кате как ни в чем не бывало.

– Привет, – без тени смущения ответил зятек. – Ты от Кати? Как она?

– О-оо... – потянула Даша, делая загадочное лицо. – Про Катю лучше не спрашивай.

Даша беззастенчиво осмотрела Пашкина с головы до ног. Выглядит он, как всегда, шикарно. Прямо Сильвестр Сталлоне.

– А ты что-то похудел, – скривилась Даша. – Дела идут не лучшим образом, а?

Виктор пожал плечами:

– Всякое бывало. Так передашь сестре мой привет?

Улыбка обнажила здоровые зубы хищника.

– Нужен ей твой привет как... – Даша смотрела Пашкину прямо в глаза и улыбалась. Она с удовольствием наблюдала, как глазки его сузились и потемнели.

– Что, завела кого-нибудь? – быстро спросил он, захлопывая багажник.

Дашино настроение заметно выравнивалось по мере того, как падало настроение Пашкина. Даша хмыкнула.

– Да нужны вы ей, кобели российские! Она себе в Америке миллионера отхватит. Или мальчика помоложе снимет.

Пашкин криво усмехнулся и сплюнул.

– Что-то я не пойму тебя, сестричка... ты о чем?

– Все о том же. Катя в Америку улетает. Наследство получила. Остались небольшие формальности – и адью! Уяснил?

Даша видела, что Пашкин не уяснил. Такое трудно проглотить одним куском. Он механически хлопал ресницами, глядя на Дашу.

Она рассмеялась ему в лицо, тряхнула волосами и пошла прочь. Краем глаза она видела, как Витька дернулся было за ней, но его позвали дамы. Он прыгнул в машину, громко хлопнув дверцей, и поехал следом за Дашей, прижимаясь к тротуару.

– Подожди, Даш. Подожди, слышишь? А сейчас она где?

– Ответила бы я тебе в рифму, – не оглядываясь, бросила Даша. – В деревню уехала, с родней попрощаться. Счастливо погулять, зятек!

И она сделала Пашкину ручкой. У него сейчас было вытянутое, глупое лицо. Она дала-таки ему по носу! Он был по меньшей мере сбит с толку. Сегодняшнюю вечеринку Даша ему наверняка подпортила. Так их! Ей расхотелось идти к подруге. Она вернулась на рынок и

купила себе цветов. Домой к матери она шла самой длинной дорогой, бережно прижимая к груди беззащитные тюльпаны.

Глава 3

По мере того как автобус приближал Катю к соседней области, у нее все больше укреплялось ощущение, что он возвращает ее в прошлое. Огромные вековые сосны по обеим сторонам дороги, трава вперемежку с одуванчиками, легкомысленные облака – все это, как вино, пьянило, кружило голову, делая настоящее нереальным, а прошлое, наоборот, до того близким, словно автобус крутил километры времени в обратном порядке.

Катя и без того в последнее время была как во сне. Она не могла решить: верить уже в происходящее с ней или подождать еще? Но слух о том, что Катя Щебетина уезжает в Америку, разнесся по городу с невероятной быстротой, и ей ничего не оставалось, кроме как принять все как есть. Ей снова позвонили и сказали, что привезут вызов и билет. Что в Америку она полетит не одна, а с представителем фирмы. Все это смахивало на сказку, верить было боязно, но Катя уже вступила в эту игру. Странно, но больше всего в последнее время она думала о Юнине. Он даже снился ей несколько раз со своей полудетской улыбкой. Учительница пения называла его картинкой. Юнин и правда был красив. Но красив какой-то девичьей, нежной красотой. Темноволосый и пронзительно синеглазый, Юнин очень мило краснел, когда Катя нечаянно задевала его плечом. Тогда румянец на щеках Юнина ассоциировался со спелым пушистым персиком. Катя так и дразнила его: персик, – хотя видела, что Славку это злит. Кате нравилась влюбленность Юнина, но сама она посматривала на ребят постарше. Ее интересовал Виктор Пашкин – высокий, небрежный. Он был старше их на три года, от него веяло силой. По Катиным тогдашним понятиям, Пашкин был ближе к мужчинам, чем к мальчикам. Как выразилась бы сейчас ее племянница Анютка, Виктор был крутой парень. Но он в упор не видел Катю. Зато Юнин не спускал с нее глаз. Она охотно списывала у Славки контрольные по математике, домашние задания по химии и физике, разрешая провожать ее после дискотек, не больше. Сама оставалась фанаткой Пашкина. Бегала на переменках посмотреть, что поделяет ее кумир. Пашкин долгое время ее не замечал. Да и что замечать-то было? Два серых пугливых глаза из-под челки, ножки-карандаши да русский хвостик. Вот и весь нехитрый набор. Чтобы Катю заметить в ту пору, с ней надо было тесно общаться.

Но жизнь упорно не хотела сталкивать Катю с Виктором Пашкиным. Времени же на личную инициативу у нее не оставалось. Родители загрузили ее по уши: музыкальная школа, репетитор по английскому, бассейн. Тут еще у Даши один за другим родились дети, нужно было помогать. Юнин стал ее тенью: встречал из музыкалки, провожал в магазин. Даже уговорил бабушку нанять ему того же репетитора, что и Кате. Хотя, честно говоря, ему репетитор был ни к чему. Юнин всему мог научиться самостоятельно. Такой был способный.

Как-то летом (они тогда окончили первый курс, Катя – колледжа, Славка – института) она отправилась в магазин. Катя везла коляску с Анечкой. Ей нужно было купить молока и кефира. Ее догнал Юнин.

– Вот, шел мимо, вижу – ты.

Катя знала, что Славка врет. Он всегда появлялся «случайно». Казалось, что он вечно сидит в засаде у ее дома. Они пошли вместе. Возле «Детского питания» Анечка заплакала, Кате пришлось взять ее на руки. Юнин побежал за кефиром. И тут она увидела Пашкина – он выходил из «Погребка». Кафе находилось как раз под магазином, в подвале. Он показался ей просто сногшибательным. Джинсы обтягивали его ноги как вторая кожа. Поверх футболки – кожаный жилет.

Катю в жар бросило, когда она увидела, что он направляется в ее сторону. Она оглянулась – поблизости никого. Потом уже сообразила, что стоит рядом с его мотоциклом. Итак, он шел прямо на нее и смотрел на них с Анечкой. Тут выбежал Юнин с кефиром, тогда Пашкин остановился и прямо-таки уставился на них. Вытаращился. Катя чувствовала, как краснеет, и

ничего с этим поделаться не могла. Она поняла, что Виктор вспомнил, что учился с ними в одной школе, и теперь обалдел, решив, будто это у них со Славкой такой большой ребенок.

– Привет, – сказал Пашкин, надевая шлем. – Когда это вы успели?

Юнин улыбался, глядя на Катю, а она думала о том, что никогда не простит ему эту глупую улыбку. И то, что он сегодня увязался за ней. Посадила Анечку в коляску и сказала:

– Это моя племянница.

И выдернула у Славки из рук пакет с кефиром. И тогда Пашкин расхохотался. Он ржал так заразительно, что Катя тоже улыбнулась. И Славка тоже.

– Так вы студенты?

– Ага.

– На каникулах? Слушайте, мужики, я сейчас в лагере «Дружба» плавруком. У нас вожатых не хватает на вторую смену. Слабо?

Катя мгновенно опьянела от его голоса. От того, как он назвал их «мужики», от перспективы провести летний месяц рядом с ним.

Она онемела, и за нее ответил Славка:

– Я работаю, а Катя сестре помогает.

У Кати на лице мелькнул ужас: Виктор уже садился на мотоцикл! Сейчас он взмоет над асфальтом на полной скорости, и тогда уже никогда... Но прежде чем она успела возразить, Пашкин уже прочел что-то на ее лице и до того, как умчаться, вынул ручку из кармана жилетки и сказал:

– Дело ваше. Надумаете – позвоните.

Он спокойно взял Катину руку и на запястье крупно вывел номер своего телефона. Пока он держал ее за руку, у нее перехватило дыхание и остановился пульс. Она уже не слышала, что там говорил Юнин. Она неделю не мыла левую руку, а когда принимала душ, выставляла ее так, чтобы вода не попала. Номер телефона она пела как песню. А когда номер все же пропал с руки, она уже работала вожатой в лагере «Дружба»...

Автобус остановился возле указателя «Семеновка». Несколько человек вышли из автобуса. Катя вгляделась в очертания деревеньки, раскинувшейся по холму. Нарядно-лубочно высилась отреставрированная церковь на пригорке, зеленым островом прижалась к деревне березовая роща. Сколько же она, Катя, здесь не была? Ну, два-три года – точно. А раньше почти каждое лето с сестрой проводили здесь. И когда в колледже училась, ей в Семеновку было ближе, чем домой. Она и навещалась к бабушке чаще, чем к родителям. Ну, ничего, в Семеновку она обязательно заедет на обратном пути. А сейчас – в город. Туда, где она когда-то училась в колледже и где всю разворачивался ее роман с Виктором Пашкиным...

Все началось тогда, летом, в лагере. Ей достался самый младший отряд, и она носилась с ним, как клушка с цыплятами. Но теперь у нее была возможность любоваться своим кумиром. Больше всего она любила водить свой отряд на речку. Там, со свистком на шее, в черных фирменных плавках, царствовал плаврук... Он свистом загонял отряд в воду и подходил к Кате. Она терялась, у нее подкашивались ноги. Стараясь не смотреть на плавки Виктора, Катя вертела головой – делала вид, что волнуется за детей. А Пашкин, казалось, не замечал ее смущения и, когда говорил, словно невзначай трогал указательным пальцем ее плечо. Она сходила с ума от этих прикосновений, думать больше ни о чем не могла. И днем и ночью, в столовой, в лесу, в игровой, на спортплощадке – везде ее преследовал образ паврука.

Если бы не нужно было всякий раз после купания вести отряд в душевую, она могла бы наблюдать, как Виктор заигрывает с вожатыми из других отрядов. По ночам девчонки-вожатые, разогнав детей по палатам, искали приключений на свои задницы – кровь играла, а природа вокруг этому способствовала. Бегали на соседнюю турбазу, устраивали ночные купания и прочее... Катя в этих вылазках не участвовала. К середине смены она превратилась в наэлектризованное поле – тронь, и ожог гарантирован. Она чувствовала приближение Виктора спи-

ной, за несколько шагов. Соседки по комнате, Лиза и Юля, дома почти не ночевали – влезали в окно, когда уже начинало светать. Поскольку двух часов сна им было мало, как ни крути, Кате приходилось по утрам поднимать их на зарядку. Но иногда ночным похождениям мешала погода. В ту ночь была страшная гроза, за окном сверкало. Искательницы приключений остались дома и завели разговор «про это». Про это она могла рассуждать только с точки зрения теории, но сама тема была для нее животрепещущей.

– Я тоже в лагерь неосведомленной приехала, – успокоила ее Лиза. – И она тоже. – Юля кивнула, подтверждая Лизины слова. И той и другой перевалило за двадцать, обе оканчивали университет.

– Девственность – это такая вещь, которую надо вовремя потерять, – наставляла Лиза. – А то парень тебя неправильно поймет. Вот ты, наверное, все еще девушка?

Катя кивнула.

– Ничего удивительного, – бросила Юля. – Парни сейчас такие придурки, что не тянет отдавать им самое ценное. Мы, если хочешь знать, сюда тоже девочками приехали.

– Но здесь-то вы кого-то нашли? – поразилась Катя. – Тут мужиков-то полтора милиционера!

Юля и Лиза переглянулись.

– А секс-символ?

Катю бросило в жар. Хорошо, что в комнате было темно. Секс-символом в лагере прозвали Виктора.

– Он? – пораженно прошептала Катя.

Девчонки дружно рассмеялись ее неосведомленности.

– Да он тут всех желающих обслужил, – весело сообщила Юля. – Хобби у него такое.

– «Хобби» у него что надо! – подхватила Лиза, и они снова расхохотались.

Катя сидела на своей койке потрясенная.

– И что же... вы все к нему... – Она не знала, как закончить вопрос.

– Ну, не все сразу, конечно, – успокоила Юля, а Лиза взялась объяснять:

– Мы однажды вот так же, ночью, собрались в комнате – все вожатые. Это в первую смену было. Ну и разговорились «про это». Оказалось – у многих девчонок парней-то по-настоящему и не было. А где их взять, нормальных? Наркоши одни. И долго так на эту тему распространялись. Ночь тихая, окно открыто... Вдруг из окна голос: «Девчонки, никаких проблем, всем помогу бесплатно!» Визг тут, смех, воспитателей перебудили. А потом и правда девчонки стали бегать к нему – как на операцию. После рассказывали друг другу, у кого как прошло.

– И как? – икнула Катя.

– Ну, он в этом деле мастер, – серьезно сообщила Лиза. – Только вот одна странная деталь: никого не целует в губы.

– Никого? – поразилась Катя.

Девчонки дружно покрутили головами.

Потом Лиза и Юля уснули, а Кате было не до сна. Она ворочалась с боку на бок, перебарывая услышанное. В душе она негодовала, протестовала, пыталась не думать об этом, плакала. А наутро, когда увидела Пашкина, поняла, что серьезно больна. То, что с ней происходило, иначе и назвать было нельзя. Она должна переболеть им как корью, и тогда, возможно, она излечится. А пока все бесполезно. Ее тянуло к нему какой-то непонятной потусторонней силой. На планерке, когда он сидел неподалеку и она близко видела его загорелую, покрытую темными волосками руку, она почти ощущала тяжесть этой руки на своем теле. Помимо воли она представляла его ладонь на своем колене, бедре, груди... Жар разливался внизу живота закипающим сиропом и устремлялся вверх. Начиная гореть грудь, шея чесалась, а лицо покрывалось предательскими красными пятнами. Ей казалось, что все на нее смотрят, все догадываются, о чем она думает. Она почти теряла сознание от стыда и желания.

Все случилось очень просто. После отбоя она бежала мимо его домика – возвращалась после купания с реки. Он вынырнул из темноты и схватил ее за руку. Она охнула, а он сказал:

– Ну вот я тебя и поймал...

Катя боялась поднять на него глаза, словно он застал ее на месте преступления. Он усмехнулся и притянул ее к себе. И поцеловал в губы.

«Он никого не целует в губы», – сразу вспомнила она, и это нарушение правил, которое он сделал для нее, разом выключило в ней все тормоза. Она отдалась своей давней и первой страсти со всей безоглядностью девятнадцати лет. Эти объятия больше походили на борьбу. В них не было нежности – Катя так давно хотела этого, что теперь обнимала Пашкина с яростью и ненасытностью львицы, у которой могла отнять добычу стая гиен.

На рассвете, когда Катя должна была уйти, он сказал ей, проводив до дверей:

– Завтра приходи опять.

– Приду, – сурово ответила она. Их расставание напомнило ей кадры из старого фильма о партизанах.

Остаток лета превратился для Кати в одну сплошную безумную бессонную ночь. Потом, когда Катя уехала в колледж, Пашкин приезжал к ней на своем мотоцикле, бесцеремонно выставлял девчонок из комнаты общежития, и они предавались страсти на узкой койке с панцирной сеткой. Юнин был в отчаянии, но не переставал караулить Катю и являться к ней, едва она появлялась у родителей.

Когда она открытым текстом объявила ему, что спит с Витькой Пашкиным, Юнин сказал:

– Ты скоро поймешь, что он такое, и бросишь его. Я подожду.

Как он заблуждался! Катя прекрасно понимала, «что он такое», но бросить не могла! Это что-то вроде наркотика. Зависимость. Она была больна Пашкиным: рассуждать здраво было выше ее сил.

Да, она знала, что он изменяет ей, она знала, что Витька, как выразилась мать, бандит (он занимался рэкетом), но рассудок не мог справиться с Катиной странной любовью.

Приезжая к Кате, Пашкин швырял деньгами. Они обошли все дорогие бары и дискотеки в городе. Юнин же экономил на обедах, чтобы купить ей цветы.

Зато Славка досрочно окончил институт – прыгнул через курс и вернулся в родной город одновременно с Катей. Он пришел к ней домой и начал психологическую атаку – сделал официальное предложение.

Ее это рассмешило.

– На какие средства ты будешь меня содержать? – спросила она. – Где в нашем городе можно найти приличную работу? – Ей даже стало немножко жаль Юнина, и она добавила: – Славик, спустись с небес...

– У тебя все будет, – пообещал Юнин, упрямо сдвинув брови. – Дай мне только время. Неужели ты не видишь: он играет с тобой как кошка с мышкой! Он никогда не женится! А если и женится, ты с ним не будешь счастлива.

– Ты просто ревнуешь, – оборвала Катя.

На некоторое время Юнин исчез из ее поля зрения. Кате было не до него. Бесконечные скандалы с матерью по поводу «связи с бандитом» не позволяли расслабиться. Постоянная забота о том, где найти квартиру для встреч с возлюбленным, держала Катю в боевой готовности. Жениться Пашкин не спешил и даже гражданским браком себя обременять не торопился. Мог исчезнуть на полгода, не давая о себе вестей. Катя ругалась с матерью, плакала, впадала в депрессию. Но вот он появлялся, осыпал ее подарками, вел в ресторан, и она снова расцветала. Катя быстро забывала долгие часы ожидания и ощущение брошенности, снова начиная сиять всеми красками.

Вот в такой день и явился опять Славка Юнин. Пришел он в новом костюме, с тортом, цветами. Мать захлопотала на кухне, надела свой новый халат – выпендрилась. Все надеялась,

что дочь одумается. Хотя смутно подозревала, что кавалер явился не вовремя. Период для такого визита был неблагоприятный – Пашкин был в городе.

Катя смотрела на Славку и поражалась: столько девчонок вокруг интересных, красивых, а он, как назло, к ней присох. Ей стало вдруг досадно, что ли... Искренне захотелось, чтобы он наконец полюбил кого-нибудь. Ну сколько можно на что-то надеяться? Ему уже 23 года, пора от первой любви очухаться, что-то реальное найти. Пока мать готовила чай, Катя увела Славку к себе. Магнитофон включила, чтобы мать не очень-то прислушивалась к их разговору.

– Чем занимаешься? – спросила она.

Юнин сел за письменный стол, молча вынул из обоих карманов пиджака две довольно толстые пачки долларов и положил их перед Катей.

– Что это такое? – строго спросила Катя.

– Деньги, – невозмутимо ответил Юнин. – Ты спрашивала, на какие средства я буду тебя содержать. Ну вот... Теперь у меня есть деньги, чтобы начать свой бизнес. Я предлагаю тебе ехать со мной в Москву. Конечно, после того как мы поженимся.

– Где ты их взял?

– Не бойся, не украл. И никого не убил. Заработал.

– Как ты мог заработать такие деньги, Юнин? Ты мне лапшу-то не вешай на уши!

Катя вскочила, схватила доллары и принялась распахивать по Славкиным карманам. Еще не хватало, чтобы мать вошла и увидела, – вопросов потом не оберешься. Юнин хотел остановить Катю и взял ее за локоть. Катя почувствовала, как дрожат его пальцы, и это почему-то смутило ее. Она отошла к окну.

– Так как же ты их заработал? – переспросила она.

– Продавал бизнес-планы, – ответил Юнин.

– Что продавал?

– Идеи. Я продавал идеи по бизнесу. Разрабатывал планы по их осуществлению. К примеру, человек задумал заняться бизнесом, но не знает каким.

– И ты ищешь для него подходящий бизнес?

– Именно. С учетом его личных склонностей, особенностей региона. Тут много нюансов. Ну и, конечно, я делаю расчеты, прикидываю затраты и возможную прибыль, просчитываю фактор риска.

– И у тебя получается?

– Как видишь. Теперь я хочу заняться своим бизнесом. Я уже все продумал, сделал расчеты, у меня все получится, вот увидишь, Кать! Решайся!

– Ты – сумасшедший, – констатировала Катя. – Ты прекрасно знаешь, что я люблю другого!

– Господи... сколько ты будешь... вот так любить? Ну выйди ты за меня по расчету, что ли, а я все сделаю, чтобы ты не пожалела об этом!

Кате было не по себе. Юнин как-то непонятно действовал на нее. Глаза его горели, он едва сдерживал возбуждение. Он встал, прошелся перед Катей, хрустнул пальцами. Его одержимость даже испугала Катю на какое-то мгновение. Но потом ей стало смешно.

– Славка, ну какой в тебе – расчет? – улыбнулась она ему как упрямому ребенку, выпрашивающему дорогую игрушку. – У тебя все вилами на воде. Мне кажется, ты сам в глубине души не веришь в то, что говоришь. Все эти фирмы создаются и лопаются, как мыльные пузыри. Я не знаю, какое везение надо иметь, чтобы не прогореть, чтобы получать прибыль. И оставаться при этом честным, как ты.

– Это не твоя забота. Поехали, Кать. Ты мне нужна.

– Но почему ты хочешь в Москву? – пожала плечами она.

– Хочу увезти тебя отсюда, – признался Юнин. – Хочу, чтобы ты поскорее забыла его.

– Нет, Славик, – задумчиво проговорила Катя. – Я никогда не смогу забыть его. И никуда с тобой не поеду...

Проговорили они часа три. Юнин весь взмок, убеждая ее. Мать притихла на кухне и к чаю их не звала. Понимала, что решается судьба дочери.

По тому, как долго и напряженно они говорили, мать поняла, что Катерина колеблется, и возможно...

Катя ответила «нет».

Юнин в подъезде, уже с потухшими глазами, сказал ей в общем-то банальные слова: «Желаю тебе, Катька, чтобы он любил тебя так, как люблю я».

Взял за руку и поцеловал. Руку поцеловал, как в романах. И его пронзительный синий взгляд так и остался в ее памяти – снизу вверх, когда он поднял лицо от ее руки.

Потом она не видела Славку несколько лет. До нее дошли слухи, что он улетел в Америку.

Уже тогда, при прощании, когда он сказал ей эти слова, и, уж конечно, много позже Катя понимала, что никогда Витька Пашкин не будет любить ее так, как Юнин...

Автобус въехал в город. Катя поднялась и стала пробираться к выходу.

Глава 4

Наташа Орефьева, медсестра родильного отделения областной больницы, жестоко страдала от токсикоза и жары. Она вынашивала своего первенца уже шестой месяц и не могла дожидаться декретного отпуска. Ей становилось плохо на работе так часто, что за время беременности она уже успела полежать в родной больнице на сохранении целых три раза. Потом заведующая сжалилась над ней и перевела работать в архив – до декретного. А завархивом быстренько слиняла в отпуск. Работа Наташе понравилась: здесь, в подвале, было прохладно, тихо. К ней почти никто не заглядывал, разве что доктор Студенцов – он писал диссертацию. Сиди себе, журнальчики почитывай. Сегодня Наташа взяла с собой вязанье и с удовольствием вывязывала крючком узор на детской пинетке. Когда пришла посетительница, Наташа сначала даже почувствовала некоторую досаду на то, что ее отвлекли от столь приятного занятия. Посетительница была молодая, чуть постарше Наташи, с улыбочивыми серыми глазами. Медсестра с завистью оглядела стройную фигуру вошедшей. Когда теперь она, Наташа, сможет надеть шелковые летние брючки и пройти вот так же легко и стремительно? Живот иногда кажется просто огромным и неправдоподобно тяжелым...

– Здравствуйте, – улыбнулась посетительница. – Меня к вам направили. Там, наверху, никого нет из врачей. Кто на родах, кто на конференции...

– А я и не врач вовсе, – призналась Наташа, – я медсестра и тут работаю временно.

– Это не важно. Все равно вы можете мне помочь. – Посетительница достала из сумочки сигареты. Заметила Наташин живот и спрятала сигареты назад.

– У нас нельзя курить, – объяснила Наташа, – и не потому, что я беременная, а потому что бумаги.

Посетительница кивнула и улыбнулась:

– А я во время беременности табачный дым не переносила.

– Правда? – Наташа оживилась и отложила вязанье. – А я запах духов не переношу. Абсолютно. Все духи из дома выкинула. А сколько вашему ребеночку?

Посетительница опустила глаза, а когда подняла их на Наташу, они уже были другие – темные, как пасмурное небо, и невеселые.

– Сейчас было бы три года. Он умер сразу после родов, я и не видела его никогда.

– Ох! – Наташа опустилась в свое кресло. – Простите, я не хотела...

Посетительница улыбнулась:

– Меня Катей зовут. А вас?

– Наташа.

– Я, собственно, и приехала сюда поэтому. Я здесь рожала три года назад, в апреле.

Наташа с интересом слушала женщину, но никак не могла понять, чего же та хочет.

Катя поняла ее вопрос по глазам и продолжала:

– Понимаете, роды были трудными, я потом в реанимации лежала долго. И ребенка мне не показывали, естественно. А когда я в себя пришла, узнала, что он умер. Я скоро в Америку уезжаю. Совсем. И... не знаю, поймете ли вы... – Катя хрустнула пальцами, взяла в руки недовязанную пинетку. – Мне хотелось бы на могилке побывать. Проститься. Ведь должно же быть место, где хоронят таких детей?

Наташины глаза наполнились слезами. Последнее время она стала такой чувствительной... Она полезла в сумочку за носовым платком.

– Ну вот, я вас расстроила, – огорчилась Катя. – Вы не должны это относить к себе. У вас все обязательно будет хорошо. Просто у нас в городе экология плохая. Химический завод и все такое. Врач сказал, что таких случаев сколько угодно именно из-за экологии. Я же к вам рожать из другой области приехала.

Наташа виновато шмыгнула носом.

– Я теперь по поводу и без повода реву. Если в фильме что-то про детей показывают, обревусь. Это пройдет?

– Наверное, – Катя пожала плечами, – фильмы я спокойно смотрю. А вот сны... Последнее время мне мой ребенок сниться стал. Почти каждую ночь. Я думаю, может, это оттого, что я не похоронила его как следует, не простилась?

– Может быть, – задумчиво произнесла Наташа. – Только я, честно, не знаю, как тебе помочь. И как младенцев новорожденных хоронят – не знаю. Я ведь колледж окончила полтора года назад, работаю недавно.

На лице посетительницы отразилось такое огорчение, что Наташе стало неудобно за собственную некомпетентность. Она добросовестно задумалась.

– Может, мне врачей стоит дожидаться? – предположила Катя. – Они-то должны знать такие вещи...

– Как же, дождешься от них! – Наташа рукой махнула. – От них одно услышишь: «Информация конфиденциальна».

– Что же делать... – скорее себе, чем собеседнице, пробормотала Катя.

– Кажется, я придумала! – Наташа хлопнула себя по коленкам. – Есть один человек... Профессор наш.

– Из этой больницы?

– Здесь он уже не работает. Его за это дело поперли, – Наташа сделала жест, из которого Катя поняла, что профессор – горький пьяница. – Он тебе за бутылку любую информацию выложит. Если ты меня дождешься, мы с тобой в обеденный перерыв сходим. Он тут недалеко живет.

– Ой, Наташа, просто и не знаю, как тебя благодарить. – Катя вынула из сумки коробку конфет.

– Ну вот еще! – воскликнула Наташа, отодвигая «взятку», но тут же передумала: – А знаешь, я шоколад люблю просто патологически. Не в силах отказаться.

И принялась сдирать целлофан с коробки.

– Конечно, с пустыми руками мы к нему не можем идти...

– Я все куплю, – заверила Катя.

– Да я не в том смысле. Ему могут понадобиться все сведения по поводу твоей патологии.

Придется покопаться. Как твоя фамилия?

– Щебетина.

– Три года назад, говоришь? – Наташа положила в рот конфетку и скрылась среди полок с карточками и выписками из историй болезней.

Катя двинулась было следом, но Наташа запротестовала:

– Нет-нет! Ты посиди возле телефона. Если позвонят – сразу возьми трубку, ладно? Чтобы заведующая, если будет проверять, не решила, что я здесь уснула.

Кате показалось, что Наташа копается целую вечность. Наконец та появилась с тоненькой папкой в руках.

– У тебя мальчик был?

– Мальчик. Нашла?

Наташа кивнула.

– У тебя были с почками неполадки.

– Да, мне говорили. Они у меня и сейчас барахлят.

– А у ребенка другое. Тут на латыни. Я, честно говоря, не совсем... Но профессор разберет. Он у нас акушерство преподавал. Ох и зануда! Ты ему только вопрос задай, а уж он тебя без ответа не оставит. Все справочники, словари, энциклопедии поднимет.

Наташа включила ксерокс. Когда копия Катиной карточки была готова, сунула листки в сумочку, а карточку отнесла на место.

– Ну вот, можно идти.

* * *

Профессор, страдающий с похмелья, гостям, можно сказать, обрадовался. Он почти сразу узнал бывшую студентку Орефьеву и на Катю смотрел доброжелательно, особенно после второй рюмки. Тогда же Наташа подсунула ему копию Катиной карточки.

– Ну да, острая почечная недостаточность. Однако – выкарабкалась. Молоток. Ну а ребенок?

Наташа быстро взглянула на бледную Катю и опередила ее с ответом:

– А ребенок еще в роддоме умер. Так вот мы и хотели узнать...

– Позвольте! – Профессор нацепил очки и взглянул в записи. – Здесь не зафиксирован факт смерти. Так не бывает. Если бы ребенок умер в роддоме, то здесь, в карточке, все было бы написано. Тебя, Орефьева, чему в колледже учили? То, что у ребенка врожденная патология, здесь отражено. Но то, что он умер, – нет. Что хотите со мной делайте.

И профессор самым невозмутимым образом налил себе следующую рюмку коньяку. Изящным движением выпил и аккуратно положил в рот кусочек банана. Наташа боялась оглянуться на Катю. Она вдруг почувствовала, как ребенок сильно толкнул ее под грудью. Положила руку на живот, делая вид, что поправляет платье, и потрогала пальцами выступ крошечной пятки. Футболист.

– Но разве такое возможно? – недоверчиво спросила она. Пьяные рассуждения профессора ей не нравились. – Может, обычная халатность медперсонала? Забыли сделать запись?

– Ну, милочка! «Забыли»! Это архив! Документы... За такую халатность знаете что бывает?

Старик наехал на нее, будто это она, Наташа Орефьева, допустила непозволительную халатность. Выгнали за пьянку, он и рад поводу вылить ведро грязи на родное учреждение!

– Семен Кириллыч! – рассердилась Наташа, устав наблюдать, как ее бывший преподаватель превращает чужую проблему в собственный праздник. – Как же можно объяснить этот случай? Вы же работали в тот период, это было всего три года назад!

– Три? – Профессор пожевал губами, почесал переносицу. – Не помню. С такой патологией, как у вашего ребенка, младенцы обычно не выживают. Возможно, вам объявили факт, которого ожидали. Вас нужно было выписывать, а младенец еле теплился. Это лишь моя версия, дамы.

– Ну а потом? – нетерпеливо перебила Наташа, боязливо оглянувшись на окаменевшую Катю. – Потом что, чудо с ребенком произошло, что ли?

– Ну, чудо не чудо... – уклончиво произнес профессор. – Я не хочу и не люблю строить предположения и возводить напраслину на своих коллег, хотя они, смею заметить, поступили со мной не лучшим образом, но я...

– Семен Кириллыч, – заерзала Наташа. Обеденный перерыв подходил к концу, а дело не только не прояснилось, но вконец запуталось. – Давайте ближе к делу. Каковы ваши предположения?

– Ну, допустим, был у нас в городе в то время прекрасный талантливый кардиолог. Теперь он не то в Израиле, не то в Штатах. Он первым начал делать уникальные операции на сердце. Умница. Именно он отважился оперировать новорожденных младенцев. Потом его сманили, как водится, ну и...

Наташа во все глаза смотрела на пьяненького профессора, забыв про время, пока ее не отвлек неожиданный глухой звук: Катя, обмякнув, безвольной массой сползла на пол.

– Нашатырь! – заорал профессор. – Там, на кухне, в шкафчике. Орефьева, кому я сказал? Бегом!

Наташа кинулась на кухню, впервые за последние два часа сообразив, в какую темную историю она, собственно, влипла.

Глава 5

Виктор Пашкин уже битый час торчал в своей машине напротив подъезда общежития. Катя не появлялась. Он точно знал, что она в городе, видел ее на рынке в обществе родителей, но подойти не рискнул. Теща откровенно ненавидела неформального зятя, а тесть демонстрировал полное отсутствие интереса. Виктор отчасти понимал Катиных родителей. Им нужен был штамп в паспорте, чтобы иметь полные права на зятя. Чтобы можно было беззастенчиво впрягать его в различного рода бытовые мероприятия типа перевозки картошки с дачного участка в погреб или капитального ремонта с полной сменой сантехники. Все это Виктора, понятное дело, не прельщало. И он этого успешно избегал довольно долгое время. Он любил свободу. До сих пор у них с Катей существовало взаимопонимание. То, что он не жаждет жениться, Виктор дал понять ей сразу, как только решил, что их отношения не ограничатся одной-двумя встречами. Катка тогда не очень-то и возражала. Сказала, что не торопится замуж, хочет сначала получить образование. Это было даже удобно, что она училась в другом городе.

Здесь он мог гулять с кем хотел и сколько хотел, не вызывая ее недовольства, ну а как приспичит – наведываться к Кате. Впрочем, город без нее уже тогда казался пустым. Пашкин так и мотался к ней, как только выпадет свободный денек. А свободных дней у него становилось все меньше. К тому времени его, высокого, здорового, не страдающего разными там интеллигентскими комплексами, присмотрели ребята-макунинцы. Макунина знали в городе все – и милиция, и торгаши, и бизнесмены. Он «пас» ларьки, как грибы окружившие центр города, а заодно и возникающие повсюду кафе и магазины. Пашкин вскоре оправдал доверие группировки и к концу Катиной учебы сменил свой мотоцикл на подержанный сиреневый «кадетт».

У него появились деньги. Работы он не чурался. Набить морду кому скажут – это разве работа? Так, развлечение. Да еще деньги платят. Катю он в подробности своей «службы» не посвящал, но баловать – баловал. Если она чего-то просила – не отказывал. И преданность ее ценил. Не каждая бы пошла на конфликт с предками и ушла бы из трехкомнатной квартиры жить в общагу ради парня, который ей ничего не обещает. А Катя сделала это. И работать была вынуждена устроиться воспитательницей в этом же общежитии, хотя имела модную сейчас профессию бухгалтера. Виктора такой расклад вполне устраивал. В любое время место для интимных встреч готово, не надо голову ломать – где? А устройся она бухгалтером в какую-нибудь фирму – тут же почувствует самостоятельность, начнет расти по службе, у нее появятся свои деньги... Это ни к чему. Пашкину нравилось, что Катя от него зависит. Нравилась ее детская радость, когда он приносил шикарный торт или дорогие конфеты. Он чувствовал себя королем, пришедшим тайно на свидание к белошвейке. Кого он собирался сделать своей королевой? Эти мысли его тогда не занимали. Конечно, у него все это время были и другие женщины. А как же? Но они приходили в его жизнь и уходили, а Катя оставалась. Почему? Он и сам не раз задавал себе этот вопрос. Почему он всегда возвращался к ней? А шут знает... Может, любовь? Правда, вопрос, почему Катя все это время ждала его и все прощала, как-то не приходил ему в голову. Так уж она, Катя, была устроена. И иначе быть не могло. Последняя отлучка, правда, несколько затянулась. Он ездил в Сочи с женой одного из местных номенклатурщиков, Лилей.

Лилия оказалась не чужда авантюристике и была на редкость азартна.

Они носились по ночным барам, играли в рулетку... Впрочем, играли во все азартные игры, которые предлагал отдыхающим этот благословенный город. Даже ночью в отеле, после горячих мгновений запретной любви, Лилия вытягивала из-под подушки колоду карт и хитро шурилась на своего любовника. Друг с другом они тоже играли на деньги. Такие короткие, но брызжащие страстью и риском романы очень будоражили кровь. После вояжа с Лилей Виктору не просто было вернуться на прежние рельсы, и он некоторое время продолжал по инерции

гудеть уже в городе, оттягивая возвращение к Кате. А то, что он рано или поздно вернется, для него было ясно как день. Само собой разумелось. Этот факт даже как-то грел его, придавая его разухабистой жизни оттенок некоторой стабильности. Пожалуй, не попадалось ему в женщинах столь удачного сочетания женских качеств. Катя не была капризной и взбалмошной, хотя могла бы, поскольку внешность имела подходящую. То есть не была дурнушкой, толстушкой и простушкой. Такие в представлении Виктора права на капризы и другие дамские премудрости не имеют. Так вот – Катя не относилась ни к первым, ни ко вторым, ни к третьим. Она не отличалась азартностью и непредсказуемостью, как, например, Лиля, но какая-то невидимая пружина в ней существовала. Она, эта пружина, не торчала наружу, но предполагалась. И он, Виктор, наличие пружины чувствовал и старался не закручивать сей механизм до предела. Другими словами, старался не перегибать палку в отношениях с Катей. По крайней мере ему казалось, что не перегибает. За десять лет их отношений она ни разу впрямую не заговорила о замужестве. Конечно, это не значит, что она не хочет замуж. Ясно, что она, как и все бабы, хочет определенности, комфорта и, возможно, детей. Так что он со своим предложением придется как нельзя более кстати. И его длительная отлучка будет легко оправдана: погулял напоследок, перед свадьбой. Если он сейчас не женится на Кате, он будет последним лопухом. Как в песне поется: «Гуд-бай, Америка...»

По капоту закапали мелкие брызги дождя. Виктор посмотрел на часы. Время поджимало. Где она может так долго торчать? Вообще ведет себя странно. Взять хотя бы эти поездки к родне. Там родни-то осталось две двоюродные тетки. А Катюха уже второй раз туда мыкается. И как уедет – на неделю. Он который раз к ней приходит – не может застать. Подлая мысль, что Катя могла найти ему замену, неприятно щекотала нервы. Получается, он десять лет кормил ее и одевал, а какой-то дядя на халяву поедет с ней в Америку и будет в свое удовольствие просаживать дармовые баксы в казино. Круто...

Виктор глянул на свои кулаки, покоящиеся на руле. Ну что ж, посмотрим...

Его размышления прервало появление Кати. Она бежала без зонта, накинув на голову капюшон ветровки.

Виктор дождался, когда она скроется в вестибюле, потянулся и достал с заднего сиденья внушительный букет белых и красных роз. Захлопнул дверцу машины и нырнул в общежитие следом за Катей.

* * *

Она промочила ноги. Пашкин вошел, заняв собой половину крохотного коридорчика, она вытирала полотенцем пальцы ног. Рядом лежали белые носки. Его всегда умиляла ее привычка ходить по дому в белых носках. Эта милая особенность, наверное, должна свидетельствовать о чистоте помещения, но на самом деле лишь делала Катю похожей на ребенка и потому – беззащитной.

Он пошелестел целлофаном обертки, и Катя резко обернулась. В ее взгляде он поймал растерянность застигнутой врасплох.

Раньше ему доводилось видеть, как она прячет радость под нарочитой угрюмостью, деланным равнодушием, даже злостью. Всякий раз он признавал, что заслужил, и покорно ждал, когда через показное просочится настоящее: любовь и радость. Но сейчас он ясно прочел растерянность, граничащую с досадой. Не может быть, ему показалось! Просто ей неприятно, что промочила ноги. Вот и с волос, с образовавшихся от дождя завитков на лбу, капает вода.

– Катюха... Как я соскучился! – Пашкин неловко обнял ее рукой с букетом, притянул к себе. Поцеловал мокрое лицо.

Катя мягко отстранилась, ни слова не говоря, приняла букет и пошла в комнату.

– Проходи, – сказала она ему устало – как постороннему, которого не ждали, и ушла на общую кухню, видимо – за водой. Пашкин остолбенел.

Что это с ней? Только Катя вышла – быстро оглядел комнату, ища глазами присутствие другого мужчины. Он даже нагнулся и понюхал подушку на диване. Подушка пахла Катей. Глупо. Катка никогда не решится привести своего хахаля сюда, в общагу. Слишком много глаз. Кто-нибудь непременно нашепчет ему, Виктору. А у него разговор короткий, она это знает.

Катя вернулась, поставила розы в вазу, стала поправлять их. Виктору показалось, что она нарочно так долго возится с цветами, чтобы не смотреть на него, чтобы не дать ему прочесть, что там у нее в глазах написано. Или, может, виной тому неожиданное наследство? Такое событие кого хочешь с панталыку собьет. А Катка скорее всего и не осознала еще, какие деньги на нее свалились. Вот и ходит как в тумане.

– Кать... – Виктор поймал ее руку.

Девушка села напротив него на табуретку. Скользнула по нему взглядом и спросила, словно стряхивая с себя сон:

– Есть хочешь?

– Да... то есть – нет. Потом. Посиди со мной.

Он потрогал ладонью ее влажные волосы, провел пальцем по руке, погладил округлость коленки. Катя сидела не шевелясь, она будто даже с интересом наблюдала за ним, но не реагировала.

Пашкин несколько подрастерялся. Обычно, обижаясь на него за долгое отсутствие, Катя дулась, злилась. Бывало – закатывала скандалы, но никогда не была такой. Едва он начинал свой сексуальный ритуал, она моментально отзывалась. Катка не умела скрывать свою чувственность под маской равнодушия.

Он накрыл ладонями ее колени. Держал их крепко и, как ему казалось, нежно. По его сценарию, он должен уложить ее в постель, сделать их близость потрясающей, неистовой. Запоминающейся. Неповторимой. Уж он приготовился постараться. А потом – заговорить о свадьбе. Все получилось бы естественно, особенно под звуки дождя, барабнящего по карнизу. Катя безжалостно ломала сценарий.

Пашкину это совершенно не нравилось. Он и так уже потерял уйму времени, на вечеринку у шефа не успеть. Да Бог с ней, с вечеринкой, придется отбрезаться. Дело, кажется, приняло нежелательный поворот. Внезапную потерю чувственности у Кати Виктор мог объяснить себе однозначно: она удовлетворена другим.

Ревность ударила в голову подобно стакану мутного самогона, и он почувствовал, что краснеет. Сейчас у него начнут краснеть уши, и можно не сомневаться – запыхают, хоть прикуривай.

– Я чайник включу, – полуспросила Катя и встала. Она нажала кнопку на белом чайнике «Тефаль», его подарке. Тот мгновенно подал признаки жизни, издавая тонкий равномерный звук.

Пашкин скрипнул зубами. Он не может позволить себе сейчас ревновать. Нужно сохранять хладнокровие. Ему захотелось высунуть голову в форточку и подставить уши дождю.

– Я тебя люблю, Кать, – хрипло проговорил Пашкин, глядя ей в затылок.

Катя обернулась и стала на него смотреть. словно он невесть что сморозил. Он и сам себе удивился: охрип вот некстати. Где его всегдашний кураж, непринужденность, обаяние? Все катилось кувырком.

– Что это ты, Вить? – Катя пожала плечами и шагнула к буфету. Достала чашки из коричневого небьющегося стекла. – Случилось что-нибудь?

– Случилось, – кивнул Пашкин. – Я понял, что не могу без тебя жить. Ты та единственная женщина, которая мне нужна.

В маленькой комнате общаги, по длинным коридорам которой носились студенты, а с верхнего этажа так бухала музыка, будто кто-то свай вколачивал, слова Пашкина прозвучали неестественно и, пожалуй, пошловато. Как плагиат. Он и сам почувствовал, что эту фразу уже тысячу раз слышал в сериалах и сейчас, пожалуй, выглядит плохим актером.

– Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж, – быстро сказал он и встал. Выключил чайник. Прошелся по комнате. Катя смотрела сквозь цветы в серую пелену дождя. Она словно и не слышала его.

– Зачем? – наконец спросила она.

– Как – зачем? Мне тридцать три скоро. Я хочу обзавестись семейством, – бодро начал он, доставая из шкафа чай в пакетиках и сахар. Налил в чашки кипяток.

– А я за десять лет уже привыкла... вот так, – усмехнулась Катя и взглянула на него. В ее взгляде не было ничего, за что можно было бы уцепиться: ни ревности, ни обиды, ни боли. Могли ли свалившиеся неожиданно деньги так затуманить ей мозги? Деньги, это Пашкину было известно, рожают во взгляде женщины другое... Азарт, некоторое превосходство, презрение, наконец. Но в глазах Кати царит совершенно неуместная отрешенность. Она как бы и не здесь, не с ним. Тогда – где? С кем? Ответ плавно вытекал из вопроса: в другом месте, с другим. Пашкин принялся неторопливо помешивать ложечкой чай в чашке. Этого нельзя допустить. Если он упустит свой шанс, он будет последним идиотом.

– Я знаю, Кать, что тебе частенько приходилось трудно со мной, но... я всегда чувствовал, что ты любишь меня. Если тебе кажется, что я не ценил этого, то ты ошибаешься! С годами научился ценить. Я понимаю, Кать, что такая любовь, как у нас... это не купишь за деньги, это редко бывает. Обычно женщины хитры, корыстны, а ты...

Пашкин исподволь наблюдал за Катей. Она стояла, прислонившись спиной к дверце шкафа, и молча смотрела на любовника.

Пашкину под этим взглядом становилось все более неуютно, но он не подавал виду. Катя не притронулась к чаю, достала сигареты, медленно распечатала пачку, вытянула сигарету, подержала в ладонях, словно грея ее. Закурила. Она думала.

Пашкин понимал, что задача номер один сейчас – заставить ее думать в нужном ему направлении. От усилий он вспотел. Натуральным образом – спина взмокла. Говорил он обычно мало, ему всегда легче было перейти к делу. Но сейчас нужны были слова. И он энергично шевелил свое серое вещество.

– Ты не такая, Кать. Я, конечно, не подарок, но я тебя люблю. Я хочу всегда и везде быть с тобой. Ты выйдешь за меня замуж?

Пашкин решил, что сказано достаточно. В конце концов, он никогда столько не признавался ей в любви. Тем более вот так, на сухую, без постели. Ее должно это пронять.

Катя курила свою сигарету, смотрела на него и молчала. Что она взялась его разглядывать? Сравнивает с другим? Хочет запомнить перед отъездом в Америку? Обдумывает его предложение?

Ну что ж, пусть подумает.

Он потянулся за чайником, чтобы подлить горяченького.

– Я, кажется, не люблю тебя, Витя. – Ее удивленный голос подтолкнул его руку с чайником, кипяток плеснулся мимо чашки на стол, оттуда – на джинсы. Пашкин выругался и почти бросил чайник на стол. Катя схватила полотенце, стала прикладывать к его штанам, кинулась за тряпкой – вытереть лужу на полу. Уронила сигарету.

Пашкин поднял сигарету и затушил ее в блюдце.

– Что ты сказала? – тихо переспросил он.

– Я тебя не люблю.

– И когда ты это поняла?

– Сегодня.

– Надеешься выйти там за миллионера? Витька Пашкин тебе маловат стал, да?

Катя отхлебнула холодного чая.

– Думаю, что вообще не буду выходить замуж, – спокойно ответила Катя.

– Действительно, зачем тебе? Ты теперь богатая у нас. Капиталистка. Вот когда ты на зарплату бюджетную перебивалась, тогда – да! Как ты Витьку Пашкина встречала? Висла на нем как на звезде какой. А когда я шубу тебе подарил, помнишь? Ты с меня всю ночь не слезила! Шубой укрывались. А кто тебя десять лет «мишками» кормил? Не думал я, что ты такой сукой окажешься!

Катя достала новую сигарету и закурила.

– Наследство здесь ни при чем, – сказала она.

– Тогда что же? Новая любовь? – зло спросил Виктор. Он входил в раж. Если он сейчас узнает имя соперника – тому не жить. Это однозначно.

– У меня никого нет, – все так же спокойно ответила Катя, выпуская дым.

Пашкину показалось: она не врет. Он уставился на нее, не в силах оторвать глаз. Какая она сейчас! Прямая, отрешенная, равнодушная. Какая-то далекая, почти нереальная в клубах сигаретного дыма. Она вдруг перестала быть маленькой влюбленной девочкой. Она стала женщиной, причем женщиной совсем ему незнакомой.

У нее появилась тайна. Сторона жизни, о которой он ничего не знал. Когда с ней произошло это превращение? Еще три месяца назад она была его зеркалом, его верной любящей Катькой, Котенком... Что же могло произойти за то время, которое он провел с Лилей в Сочи? Зачем он потащился в этот Сочи, идиот! Нужно было пасти ее, лелеять, как редкое растение, ползать вокруг нее на коленях. Глаз не спускать! Дорого бы сейчас заплатил Пашкин за ее секрет, пусть даже тот выеденного яйца не стоит.

...Ее глаза были похожи на дождь и на дым одновременно. На миг ему показалось, что она забыла о том, что он рядом с ней в комнате.

– О чем ты думаешь сейчас? – резко спросил Пашкин, стремясь зафиксировать тот момент, когда она очнется от своих мыслей и осознает его вопрос. Он надеялся, что выражение глаз подскажет хоть что-то, выдаст Катьку. Но ничего в ее глазах не мелькнуло. Она по-прежнему смотрела в окно. А потом невзначай произнесла:

– Я думаю о том, что наша с тобой дочь могла бы ходить в школу. Во второй класс.

– Я так и знал! – закричал Виктор. – Я так и знал, что когда-нибудь ты меня этим попрекнешь! И с чего ты взяла, что у нас была бы именно дочь?

Катя пожала плечами, затушила окурок.

– Просто знаю.

– Выдумки! Ты вспомни себя! В двадцать лет ты была сопливой девчонкой, какую тебе еще дочь? На что бы мы ее растили тогда? А жили бы где? Вместе с твоими родителями, с сестрой, мужем сестры, их двумя детьми и твоим братом Вадиком в придачу? Нет, ты реально посмотри на вещи, прежде чем из меня чудовище делать!

– Не кричи, пожалуйста, Вить. – Катя взяла чашки и ушла на кухню.

Пашкин от собственного бессилия бил правым кулаком левую ладонь. Нашла что вспомнить! Один раз на аборт сбегала и теперь машет этим фактом как флагом.

Другие вон то и дело бегают, и ничего. Да и потом – разве он бросил ее тогда? Испугался? Он и денег достал, и врача нашел, и под окнами сидел, пока там все происходило.

А потом уж предохранялся как следует. По крайней мере у нее об этом голова никогда не болела.

Катя вернулась, поставила чашки на место, стала вытирать стол.

– Ты уж если решила от меня избавиться, так и скажи, – угрюмо пробурчал Пашкин, следя за ее движениями. – И нечего причины выкапывать.

Катя взглянула на него, что-то собираясь сказать, но передумала. Промолчала. У него вдруг мелькнула надежда. Возможно, дело просто в ее настроении. Вспомнила о том случае, и обида давнишняя сделала ее на миг такой отчужденной.

Он сделал над собой усилие и улыбнулся:

– Кать, давай поженимся как люди и родим ребенка. Долго, что ли?

– Мне больше нельзя иметь детей, – без эмоций ответила она. – Ты уже забыл, что у меня проблемы с почками? Мой поезд ушел, Витя.

И вдруг она как-то головой потрясла, будто стряхивая что-то ему невидимое, и попыталась улыбнуться. Улыбка вышла чужой, заимствованной с чьего-то лица. Катя добавила:

– Не бери в голову, это я так, к слову.

Ничего себе, пирожки с котятами: «Не бери в голову». Наговорила тут воз и маленькую тележку, а потом – «не бери в голову». Пашкин глубоко вздохнул. Как вести себя с новой Катей, он не знал.

– Ты не торопишься? – спросила она. Он машинально крутнул головой, а потом уже сообразил: она гонит его! Дает понять, что хочет остаться одна. Он все еще не верил. Сделал вид, что не понял ее намеков.

– Это кстати, – чужим голосом добавила Катя. – Сейчас должны подъехать папа с Вадиком за телевизором. У них телевизор совсем сломался. Я им свой хочу отдать. Оставайся с нами ужинать.

Пашкин скрипнул зубами. Ага. Приятный вечерок в компании брата Вадика, который его, Пашкина, откровенно ненавидит и даже не пытается это скрыть. Ну уж нет. Такое развлечение не для него. Внутри у Пашкина все кипело. Эх, сейчас бы морду кому-нибудь набить!

Еще не решив, что же он предпримет в отношении своей любовницы, Пашкин сухо распрощался и вышел из общежития.

Глава 6

Анечке Кирилловой исполнилось двенадцать лет, и несмотря на свой нежный возраст, а может быть, благодаря ему она то и дело бывала влюблена. В настоящее время ее воображение занимал мальчик из параллельного класса, Саша Сурков.

Намеченная на сегодня ассамблея у них в школе приходилась как раз кстати – Саша тоже, как и Аня, занимался хореографией и вполне мог пригласить ее сегодня на танец. Их школа-комплекс – особенная. Кроме обычных предметов, ребята занимаются искусством: кто-то музыкой, кто-то театром, а некоторые – танцами. Анина мама всегда мечтала танцевать и потому записала дочь на танцы. Аня была не против. Она уже научилась танцевать вальс, мазурку, менуэт и второй раз должна была участвовать в ассамблее. Платье – настоящее, балльное – висело высоко на дверце шкафа, и Аня из любой точки комнаты могла любоваться его неземной красотой. Платье перешили из маминого свадебного, над ним неделю трудилась бабушка, ей помогала соседка. Когда Аня примеряла платье, оно плотно обхватывало талию. Пышные рукава закрывали острые плечи, а длинная, до пола юбка надежно прятала худые ноги с торчащими коленками и делала девочку похожей на принцессу.

Теперь Аня сидела перед зеркалом и накручивала волосы на электрощипцы. Занятие не из легких. Она уже умудрилась обжечь все пальцы на левой руке и прижгла лоб. Как оказалось, челка – это самое трудное. Из соседней комнаты раздавалось мерное бурчание брата и изредка – четкий и звонкий голос Виталькиной учительницы Эльвиры. Они учили таблицу умножения. Вот бы Эльвира посидела у них подольше, занимаясь с братом! Но – нет... Вот ее голос стал раздаваться ближе, учительница вышла в коридор, Виталька зашумел, устав от неподвижности. Сейчас он начнет виснуть на Эльвире и упрашивать ее поиграть с ним в настольный футбол. Но его просьбы, конечно же, оказывают обратное действие. Чем настойчивее упрашивает Виталька, тем холоднее Эльвира. Но брат никак не усвоит этот урок. Учительница тверда и непоколебима.

Виталька никак не может взять в толк, что, кроме него, у Эльвиры есть еще ученики. Он считает Эльвиру чуть ли не своей собственностью и даже не пытается запомнить ее труднопроизносимое отчество. Аня отложила электрощипцы и вышла в коридор.

– Эльвира Валерьевна, попейте с нами чаю, – вежливо предложила она.

– Спасибо, Анечка, в другой раз. Передай маме, что я довольна Виталиком. Стихи он выучил хорошо.

Аня кивнула. Виталька засмутился, как пятилетний ребенок, закривлялся, схватил сумку учительницы, лежавшую на стиральной машине, и вцепился в нее, как делал это обычно. Брат был почти одного роста с Эльвирой. Учительница сделала вид, что ничего не замечает, и посмотрела на Аню.

– Идешь на ассамблею?

– Да.

– Ваши хореографы просто энтузиасты, – похвалила Эльвира. – Ни в одной школе города нет такого. – И добавила: – Ты прекрасно выглядишь.

– А я? – встрял Виталька. – Я тебе нравлюсь?

Аня глянула на брата. Скорее всего он сейчас затеет свою обычную возню с сумкой. Всякий раз, когда Эльвира собирается уходить, он начинает эти дурацкие игры с ее вещами. Прошлый вторник она так и ушла без зонта. Мама потом бегала относить его и извиняться. Говорила, дескать, Виталька обожает Эльвиру и поэтому не хочет расставаться с ее вещами. Маме бывает неудобно за него. Бабушка же говорит, что учительница получает за это зарплату и прекрасно осведомлена, что ребенок болен.

Возможно, Эльвире не нравится поведение Витальки, но она этого не показывает и не перестает ходить к ним. А вот девочки...

– Виталька, сейчас же отдай сумку Эльвире Валерьевне, – твердо произнесла Аня и потянула брата за руку. Учительница натянуто улыбалась.

– А пусть не уходит, пусть чай с нами пьет!

– Виталька!

Но брат уже принялся носиться с сумкой по комнате, перепрыгивая с кресла на кресло, на диван и снова на кресло.

Анино праздничное настроение покачнулось. Она с чувством стыда и полнейшего бессилия взглянула на учительницу.

– Эльвирочка, не уходи! – повторял Виталька, размахивая сумкой.

– Ты не опаздываешь? – поинтересовалась учительница у Ани, делая вид, что Виталькина выходка ее ничуть не смущает.

Не сказать, чтобы Аня очень уж обожала училку брата, но порой бывала очень признательна той за такт.

– Время еще есть, – отозвалась она. – За мной девочки зайдут.

– Тогда давай пить чай.

Аня повела Эльвиру на кухню. Не успела она налить в чайник воды, как в комнате что-то загремело, и раздался тонкий вой Витальки.

Аня и Эльвира бросились в комнату. Виталька промахнулся и грохнулся рядом с креслом, сбив коленкой стул. Падая, он задел Анино платье, и оно накрыло его, ударив по голове вешалкой.

– Ушибся? – спросила Эльвира, хватая с кресла свою измученную сумку.

Тот продолжал подвывать, не реагируя на вопрос.

– Ну, я пойду, – бросила учительница и шмыгнула к двери.

– Я уронил твоё платье... – тоненьким голоском пискнул Виталька, не глядя на сестру. В его голосе дрожал неподдельный испуг.

Аня молча подняла платье и положила на диван.

– Оно не помялось, Виталька. Вставай.

– Я уронил его! Я не хотел. Ты не будешь плакать, Анька? Оно не порвалось?

Аня чувствовала, как от хорошего настроения не остается и следа. Было уже половина пятого. С минуты на минуту за ней должны зайти девочки, а у брата, кажется, начинается истерика.

Аня хорошо знает, как это бывает у него: буйство мгновенно переходит в слезы, а безудержные рыдания могут закончиться приступом. Страшным приступом эпилепсии. А дома никого нет. Что она будет делать? Почему мама до сих пор не пришла? Обещала же прийти с работы в четыре, чтобы успеть нарядить дочь и поправить причёску, и, как обычно, не сдержала обещания! Никому, совершенно никому нет дела до нее, до ее переживаний, она совсем одна! Маме важно лишь, чтобы она, Аня, хорошо училась, больше ничего ее не интересует!

Виталька тихонько скулил, свернувшись калачиком на паласе.

– Хочешь, я подарю тебе свою коллекцию музыкальных открыток? – выпалила Аня, с ужасом глядя на часы и ожидая звонка в дверь.

Открытки она собирала с девяти лет. Их накопилось уже порядочно, каждая из них заключала в себе свою мелодию. Стоит приоткрыть – и музыкальная фраза вырывается наружу и живет отдельной жизнью, но прикрой – и ее как не бывало. Аня тщательно прятала свою коллекцию от брата потому, что он мог испортить сокровище. А когда к ней приходили девочки, она демонстрировала им свое богатство. Подруги приходили к ней так редко, что она была готова подготовить к их приходу целую программу.

– Ты дашь мне открытки? – недоверчиво просипел брат, подняв голову.

Аня кивнула. В его глазах мелькнул интерес.

– Насовсем?

Аня часто закивала, яростно борясь со слезами. В конце концов, открытки – это всего лишь открытки. Зато когда Света и Наташа придут, брат не станет виснуть на них в своем порыве обожания, не замечая, что до смерти пугает девочек. Он будет поглощен новой игрой.

– Бери открытки и уходи в спальню, – скомандовала Аня. – Я буду переодеваться.

Виталька поднялся, недоверчиво оглядываясь на сестру, подставил стул и полез руками в ящик стенки, где лежала коробка из-под конфет, наполненная музыкальными открытками.

Минуту спустя Аня уже слышала, как рождаются и умирают знакомые мелодии. Наверняка Света зашла за копушей Наташей и ждет, когда та поест.

Аня надела платье и достала туфли. Девочки договорились добежать до школы прямо в бальных платьях – тут рядом. Бежать через двор в компании подруг и ловить на себе любопытные взгляды – это даже интересно. А вот тащиться в школу одной в подобном наряде – это немыслимо... Аня отогнала от себя неприятную мысль. Девочки вот-вот прибегут, нечего тоску нагонять.

Прошлую ассамблею у нее не было бального платья, она пошла в обычном. Конечно же, только поэтому ей пришлось танцевать с «привидением».

Мальчишек было меньше, и они побежали приглашать тех девочек, которые были в бальном. А она, Аня, так и осталась стоять у стены. А потом учительница заставила их всех встать в ряд, чтобы не портить рисунок. И приказала танцевать с «привидениями». Те, кто оказался в парах, смеялись над ними. Но сегодня все будет по-другому. У нее такое великолепное платье. И локоны получились как в XIX веке. А танцует она получше других.

Аня видела в окно, как дети стайками бегут в школу. Она узнала нескольких мальчишек из параллельного. Девочки же были трудноузнаваемы, потому что платья и прически совершенно меняли их.

Девчонки бежали кучками по двое, по трое-четверо. Они все вчера договорились зайти друг за другом, чтобы идти на ассамблею. Все сошлись на том, что, хоть школа и рядом, шествовать одной через дворы в бальном платье до пят все же как-то неловко.

Аня начала всерьез волноваться. Было уже без пятнадцати пять, а девочки все не шли. За стеной непрекращающимся потоком лились знакомые музыкальные фразы. Аня надела туфли и вышла в коридор. На всякий случай открыла входную дверь и села перед зеркалом в ожидании подруг. Из соседней комнаты доносилась одна и та же мелодия. Она назойливо лезла в уши, превращаясь из любимого шлягера в насмешку.

* * *

Катя еще не придумала, как построить разговор с сестрой, но знала, что разговора не избежать. Даша – медик. А Кате просто необходима была сейчас медицинская консультация. Вопрос довольно щекотливый, и она не придумала, к кому можно обратиться, кроме старшей сестры. Дверь Дашиной квартиры оказалась незапертой, Катя вошла и сразу услышала всхлипывания. Анька сидела на полу посреди комнаты, в белом бальном платье и редела.

– Виталька обидел? – не здороваясь, спросила Катя.

Аня хотела что-то ответить, но у нее не хватило дыхания, и она захлебнулась собственным всхлипом и заревела в голос, с каким-то даже облегчением, видимо потому, что нашелся сочувствующий.

Катя прошла в спальню. Виталька спал. Вокруг него веером были разложены Анюткины музыкальные открытки.

– Он что, без спроса взял твои открытки? – спросила Катя, вернувшись к племяннице. Та подняла на тетку красные несчастные глаза и искаженным слезами голосом выпалила:

– Забери меня с собой в Америку, Кать!

Тетка достала из сумки носовой платок и стала утирать зареванное лицо племянницы.

– А как же мама? – спросила Катя, пытаясь догадаться, что же за горе случилось у Аньки на сей раз.

– Я ей не нужна! – с готовностью выпалила Анюта. – Я никому не нужна! У меня нет подруг и никогда не будет. Никогда! Со мной никогда не захочет дружить ни один мальчик!

– Постой, постой. – Катя села на пол рядом с племянницей и взяла ее за руку. – Это почему же?

– Неужели ты не понимаешь? – с болью проговорила девочка. – Из-за Витальки! Все знают, какой у меня брат! Девочки не хотят приходить ко мне, потому что он пугает их! А Лене Ерычевой ее мама запретила ко мне ходить совсем! А сегодня за мной никто не зашел. Никто! Все пошли на ассамблею компаниями, только я никому не нужна!

Анютка старалась кричать шепотом, от этого усилия лицо ее покраснело и выглядело до невозможного жалким.

– Глупости, – строго сказала Катя, надеясь своим тоном привести племянницу в чувство. – Глупости! Ты могла пойти на ассамблею одна и не ставить себя в зависимость от чужих предрассудков.

– Да! Одна! Вечно одна! И снова танцевала бы с «привидением»!

Анютка разрыдалась, уткнувшись в гипюровый подол. Катя гладила ее по завитым волосам и не знала, чем утешить.

«Еще одна несчастная, – подумала она. – Как бабка, как тетка, как мать».

Дашино свадебное платье, перешитое на дочь, проводило между Дашей и Аней незримую параллель, узрев которую Катя всерьез испугалась. Когда Даша – тоненькая, юная, с глазами феи – выходила замуж за лопоухого прыщавого Кириллова, все были в шоке. Ну как же: она такая красавица, умница, в медицинском училась. Она что, не могла себе получше найти? Когда же лопоухий Кириллов бросил ее с двумя детьми и ушел к промытой всеми ветрами «тете Люсе», никто в шоке не был.

Обычная история. Поведение Кириллова было понятно – легкое ли дело растить такого ребенка, как Виталька? Проще сотворить нового. Что Кириллов и подтвердил наглядно. Теперь он появлялся на людях с крошечным сыном на руках, старательно избегая встреч с бывшими детьми. И с Дашей.

А Даша вынуждена была биться одна: учить и лечить Витальку, решать бесконечные Анькины проблемы, добывать деньги. А ведь Даша еще молодая, ей небось хочется счастья. Вероятность счастья для Даши сужалась до минимума.

Кате от этих мыслей тоже захотелось плакать. Все-таки она очень любит их всех – сестру, племянников, брата. Конечно же, она забрала бы их всех с собой в любую волшебную страну, способную осчастливить. А есть ли такая? И та ли это страна – Америка? И будут ли они все счастливы там? Или же Америка станет для них продолжением вечной череды неудач?

Катя подождала, пока основная порция Анюткиных рыданий стихнет, сняла с шеи золотую цепочку с подвеской в форме сердечка и бодрым голосом произнесла:

– Вот, возьми. Пусть это будет твой талисман. Он обязательно принесет тебе счастье.

Катя не ошиблась: подарок занял внимание девочки настолько, что слезы вскоре высохли. От выражения крайнего несчастья на лице не осталось и следа. Если не считать красного носа. Девочка сняла бальное платье и повесила его в шкаф.

Катя не стала дожидаться сестру. Она передумала. Собралась и ушла. Что-то ей подсказало, что не стоит сейчас вешать на сестру еще и свою проблему. Пусть все пока останется в тайне.

Глава 7

Пашкин вынужден был след в след тащиться на своем «БМВ» за этим полудохлым междугородным автобусом. Конечно, он мог бы прорунуть вперед и отлежаться где-нибудь в лесочке, пока автобус доползет до Семеновки. Но! А если Катерина блефует? Если она выйдет раньше? Или – позже? Если она направляется отнюдь не на побывку к теткам и не на могилку к бабуле? Да он просто уверен, что она отправилась на свидание. И не будь он Витькой Пашкиным, если даст водить себя за нос! По большому счету дело даже не в этом! От него ускользал его шанс – состояние в Америке, – и он был твердо намерен поймать этот шанс за хвост. А если шанса не будет у него, его не будет ни у кого. Пашкин улыбнулся своей складной мысли. Его всегда забавляли собственные удачные высказывания. Даже мысленные. Итак, если шанса не будет у него, то его не будет ни у кого. Об этом он позаботится.

Его предположения начинали оправдываться: автобус благополучно миновал Семеновку, а Катя не вышла! Она поехала дальше!

Пашкин почувствовал азарт погони. Ты хитра, Катенька, но мы хитрее. Все мы про тебя, цыпочка, узнаем, как ни маскируйся.

Катя вышла на перекрестке, у самого въезда в город. Пашкин отъехал на обочину и стал наблюдать, как она «голосует». Значит, ей не в город. Куда же? Его новую машину Катя не знала, поэтому Виктор мог не опасаться, что она заметит его. К тому же за тонированными стеклами он был для нее невидим. Наконец Катя договорилась с синим «жигулем», и они покатались в противоположную от города сторону, туда, куда показывал дорожный указатель с надписью «Целебные источники». Пашкин двинулся следом. Вскоре они въехали в лесную зону, и Пашкину пришлось приотстать, чтобы не вызвать подозрений. То и дело попадались указатели с названиями санаториев и туристических баз.

Место, надо сказать, для этого самое подходящее: сосны до небес, дубы, колокольчики сиреневыми мазками вдоль дороги. Выходит, Катка ездила подлечиться и завела себе хахалю на отдыхе? Какого-нибудь медбрата. Возможно, возможно...

Синий «жигуль» подъехал к воротам какого-то санатория и остановился.

Катя вышла, вытащила свои пакеты, расплатилась.

Все это Пашкин наблюдал из своего укрытия – он поставил «БМВ» под елкой, за кустами дикой малины. Отсюда ему хорошо были видны ворота, торец двухэтажного кирпичного здания, детская площадка во дворе. Катя вошла в калитку и исчезла за деревьями.

Виктор выбрался из машины и приблизился к зданию. Ему бросилась в глаза официальная табличка, где серебрянкой по черному фону было начертано: «Детский реабилитационный центр лечебно-профилакторного типа».

Что еще за новости? Что ей тут делать? Машину отпустила, значит, собирается пробыть здесь долго. Полдня? Или, может, останется ночевать? По крайней мере ему не надо торопиться. Он обошел корпус центра кругом. Территория захватывала небольшую часть леса и спускалась к реке, где тянулся вдоль берега довольно широкий песчаный пляж. Все чисто, вылизано, ухожено. Кругом среди травы бежали неширокие асфальтовые дорожки. Пашкин вскоре понял их предназначение. Он увидел, как по одной из таких дорожек катится инвалидная коляска, в которой сидит человечек лет восьми. Позади семенит медсестра. Пашкин вышел к детской площадке с противоположной от ворот стороны и остановился. Он увидел Катю. Она зачем-то переоделась в белый медицинский халат и теперь ничем не отличалась от остального обслуживающего персонала. Еще больше он был поражен, когда понял, что она собирается развешивать на веревке, протянутой позади здания, выстиранные полотенца. Она что, подрабатывает здесь? Это накануне отъезда в Америку? Пашкин напряг воображение. Или она маскируется под обслугу? Тогда возникает вопрос: зачем?

На площадку вывели детей. Дети были разновозрастные – от года и лет до десяти. Пашкин сразу отметил, что среди детей, здоровых на вид, есть явные инвалиды. Впрочем, дети вели себя, как и положено детям – рыли лопатками песок, толкались, качались на качелях, смеялись.

Вся эта картина ввела Пашкина в некоторое замешательство. Он глянул на Катю и оставил свой взгляд. Что-то сейчас в ней появилось странное. Она неотрывно смотрела на детей, зажав в руках мокрое полотенце. Лицо ее исказило напряжение. Что она такого увидела? Пашкин стоял за густой рябиной, не сводя глаз с любовницы.

Теперь она вешала полотенца совсем иначе – словно это дело было затеяно вовсе не ради полотенца, а так, для отвода глаз. Прикрепив полотенце прищепками, она выглядывала из-за него, наблюдая за кем-то и одновременно прячась. Когда полотенца наконец закончились, она подошла к детской площадке, остановилась и взялась рукой за спинку скамьи. Катя была совершенно бледная. К ней подошла женщина из персонала, что-то сказала. Катя кивнула. Пашкину показалось, что сделала она это через силу, словно не хотела соглашаться с тем, что ей сказали, но была вынуждена. Когда женщина отошла, Катя принялась вытирать тряпкой крашенные скамейки.

Пашкину было ясно, что вся эта возня со скамейками и полотенцами – сплошная лажа, Катя занята другим. Но вот чем? Этого он не мог взять в толк. Она то и дело пялилась на песочницу, где возились мальки ясельного возраста. Две девочки и мальчик ковыряли совком песок и складывали его в ведерки. Именно с этой троицы не сводила глаз Катя Щебетина. Она уже, наверное, протерла последнюю скамейку до дыр, как вдруг одна из девочек, неловко повернувшись, толкнула мальчика. Тот не удержался и вывалился из песочницы. Понадобилась какая-то доля секунды, чтобы Катя очутилась рядом. Она схватила ребенка, не успевшего осознать, что, собственно, с ним случилось, и стала тискать его, проверяя сохранность его конечностей, дуть на испачканную песок коленку. Наконец от всех ее действий мальчику, вероятно, стало щекотно, он засмеялся, а Катя подняла на него глаза, полные слез.

– Не плачь, тетя, мне не больно, – проговорил малыш. Пашкин увидел, как она взяла обе детские ладошки и поцеловала их. По ее лицу катились слезы. Хотя Пашкин стоял совсем рядом, он мог не опасаться быть замеченным Катей. Она не видела никого и ничего вокруг. Весь мир для нее сейчас был сосредоточен в этом трехлетнем карапузе. На детей, столпившихся рядом, она даже не взглянула.

Подошла тетка в белом халате и увела ее. По дороге Катя несколько раз оглянулась на ребенка. К тому подошли две нянечки, водворили его в песочницу, дали ведро, совок. Дети продолжили игру.

Ничего особенного, но Виктор почувствовал, что произошло что-то важное, необычное. В висках застучало, уши начали нагреваться. Сейчас запыхают как флаги.

Он сам еще ни черта не понял, а уши уже реагируют. Дурацкая природа.

– Побросают детей больных на государство, а потом, как приспичит, искать давай! – услышал Пашкин ворчание одной из нянек.

– Три года о ребенке не вспоминала, а теперь туда же, слезы льет...

– Говорят, она в Америке живет?

– То-то что в Америке. А иначе ее бы и близко к ребенку не подпустили. А так конечно. Ему операция нужна, а она в долларах стоит. Вот пусть родная мамаша и раскошелится.

Няньки поправили на детях панамки и пошли к лавочкам. Пашкин почувствовал, что прирос к земле. Ноги не слушались его. Теперь он неотрывно смотрел на песочницу. В его представлении все трехлетние дети должны быть похожи друг на друга как близнецы. И все же он сейчас цепко разглядывал этого ребенка. Ему начало казаться, что сходство ребенка с Катей очевидно. Цвет волос... Пожалуй, волосы ребенка светлее, но вот очертания губ...

Пашкин развернулся и пошел к машине. Ему было над чем подумать. Он гнал свой «БМВ», зло стиснув зубы и лихорадочно соображая.

Итак, три года назад она родила. Может, не три, чуть позже, это не имеет значения. Пашкин был далеко... Родила, значит, и оставила в роддоме. Славненько. Теперь появились деньги, а вместе с ними – материнские чувства. Забавно. Но все это – цветочки. Его интересует – кто отец?

Четыре года назад он загремел на зону и оттрубил бы три года, если бы не амнистия. А она-то! Письма писала душещипательные! Поддерживала морально! Посылки присылала... Ждала. И за это время умудрилась выносить ребенка, родить его тайно, так, что в родном городе муха об этом не узнала! Какова?! А? А он был уверен в ней! Предполагал, что знает Катку как облупленную! Конечно, если бы в городе знали о ее беременности, ему нашептали бы обязательно. Без проблем! Так ведь никто! Ни сном ни духом! И с зоны встретила его этакой женой декабриста. Верной подругой. А почему? Потому что деньги его нужны были!

А когда богатство неожиданное из-за бугра поманило, про наследника нагулянного вспомнила. Теперь его, Виктора, хочет выбросить, как отслужившую перчатку, а средства вкладывать в больного ублюдка! Пашкин услышал, что скрипит зубами. Впервые в жизни ему приходилось действовать не напролом, а хитрить и прятаться. Это не его стиль. Руки чесались и требовали мордобоя. Ну, ничего, всему свое время. То, что бывшей любовнице подобные выкрутасы не пройдут даром, не вызывало сомнений. Уж он устроит ей Америку, может не сомневаться.

* * *

Заведующая детским центром Ирина Львовна была с Катей предельно корректна. Но после инцидента на детской площадке не сумела скрыть своего недовольства. Она пригласила горе-мамашу в свой кабинет и велела принести им чаю.

– Я понимаю ваши чувства, милая Катерина Ивановна, но... мы должны быть очень осторожны, – увещевала она, капая в стакан с водой корвалол. – Вот, выпейте.

– Извините меня. – Катя по-настоящему испугалась, что теперь ей запретят видеться с сыном. – Он упал, я испугалась... Я не хотела!

Она судорожно всхлипнула.

– Ну что вы, – смягчилась заведующая и села на мягкий диван, рядом с Катей, подчеркивая этим неофициальность беседы. – Вас можно понять! Вы совсем недавно узнали, что ваш ребенок жив, искали его по всем инстанциям, нервничали...

Катя кивала, нервно теребя поясok белого больничного халата.

– Он такой, он такой... – попыталась улыбнуться она, но слезы градом покатались из глаз, и Катя стала искать платок.

– Безусловно, он славный малыш, – согласилась Ирина Львовна. – Хорошо развивается, любопытный, умный. Но мы не должны забывать, что он – сердечник. Его нельзя волновать.

– Да, да, конечно! – поспешно согласилась Катя и виновато взглянула на заведующую. Та удовлетворенно кивнула.

– Ну, я думаю, впредь вы научитесь контролировать себя и все будет хорошо.

Заведующая похлопала Катю по руке и поднялась. В этот же момент в дверь постучались. Медсестра вкатила сервировочный столик. Ирина Львовна принялась разливать чай. Только теперь Катя смогла оглядеться. Кабинет очень уютный. Мягкая мебель, телевизор, два телефона на большом письменном столе. Аккуратная светлая стенка. Тюлевые занавески на открытом окне мягко колышет ветер. Тишина и покой.

– Угощайтесь, дорогая. Выпейте чаю. У детей сейчас обед, и у вас есть возможность попробовать то, что ест ваш сын, – предложила Ирина Львовна, и Катя обратила внимание на сервировочный столик. Здесь лежали бутерброды с красной и черной икрой, нарезанная ломтиками ветчина, сыр, маленькие свежие булочки, масло, джем.

Катя невольно покачала головой, а заведующая самодовольно улыбнулась.

– Да, детей мы кормим хорошо, даже очень. Возможно, они едят даже то, чего не видят сейчас дети в семьях, в среднеобеспеченных семьях у нас в России. Ведь у нас особый контингент. Эти дети, как правило, не подлежат усыновлению, поскольку им необходимо дорогостоящее лечение и соответственно уход. Разве что иностранцам удастся иногда усыновить нашего ребенка. Но мы неохотно идем на такой шаг. Вы понимаете... Все это очень сложно...

– Значит, мне не разрешат взять мальчика домой... сейчас? – сделала вывод Катя.

Заведующая положила себе в чашку две ложки сахара и стала помешивать.

– Терпение, Катерина Ивановна, и еще раз терпение, – неопределенно ответила она. – Посудите сами: у мальчика слабое сердце. Любая ситуация способна спровоцировать рецидив. Это просто чудо, что он вообще выжил, когда появился на свет. Конечно, благодарить надо профессора Цвигура. Он делает уникальные операции. И лично я вам советую, как врач, повторно оперироваться только у него.

– Это необходимо? – пересохшими вдруг губами прошептала Катя.

Заведующая деловито кивнула, разрежала булочку и положила туда сыр и, секунду помедлив, ветчину.

– Это обязательно. Недавно его смотрел кардиолог из Москвы и сделал такое заключение. Операция безумно дорогая, к тому же после Цвигура вряд ли кто-то за это возьмется.

Заведующая откусила от булочки и глазами напомнила гостю про чай.

Катя не могла думать про еду. Первый же кусок обречен застрять у нее в горле. Она сидела, прямая как статуя, и не сводила глаз с Ирины Львовны. Та, тщательно прожевав, спокойно продолжала:

– Так что пусть все идет, как мы договорились: вы спокойно работаете, делаете свои дела, готовитесь к отъезду, навещаете мальчика. Он привыкнет к вам, как к любой няне, и для него тогда не станет стрессом перелет в Америку с вами... А после операции вы будете всегда с ним рядом, и тогда уж он про нас не вспомнит, а будет знать только вас.

Заведующая мягко улыбнулась и подвинула Кате чашку:

– А вот если вы, голубушка, будете продолжать так волноваться по каждому поводу, боюсь, у вас не хватит сил вырастить сына...

Катя попыталась ответить заведующей улыбкой и даже приняла из ее рук чашку с остывшим чаем.

– А можно... я еще раз взгляну на него, перед тем как уехать?

– После обеда их уложат спать, и я разрешаю вам зайти к ним в спальню. Но только прошу вас – без эмоций и недолго.

Катя с готовностью закивала.

После обеда и купания трехлетки быстро уснули. Катя сидела на детском стульчике напротив кровати сына и с замиранием сердца смотрела на его сонное личико: упругий блестящий носик, длинные мохнатые реснички, вздрагивающие во сне, полуоткрытый розовый рот.

Она рассматривала его так, как любая мать рассматривает новорожденного, впервые принесенного на кормление. Вот он вытащил из-под простыни свой кулачок и разжал его. Катя с жадностью осмотрела каждый пальчик, форму ногтей, трогательные ниточки-перетяжки на запястье. Она боялась разбудить его своим пристальным взглядом, но оторваться не могла. Она не растила его, не кормила грудью, как другие, но без удивления, словно так и должно быть, обнаружила в себе новые, неведомые доселе чувства. Вот она держит на ладони всю свою жизнь. И эта жизнь ничего не стоит для нее в сравнении с жизнью этого крошечного существа. Она не задумываясь отдаст свою – за его. С другой стороны, значимость ее жизни несоизмеримо возросла: она нужна ему. От нее зависит его будущее. От этой мысли ей стало холодно.

Все то время, когда она ходила беременная, родила, потом долго болела, казалось давно отодвинутым в задний ящик памяти и забытым. Ни одна живая душа не знала об этом, поэтому

и сама Катя тоже, казалось, все забыла. Она поняла, что помнит, когда ей стал сниться этот сон. Он начинался всегда одинаково: она шла по красивому зеленому лугу, такому, как у них в Семеновке. День был солнечный, теплый. Во сне она чувствовала ногами прикосновение мягкой травы. На пригорке стояла церковь. Во сне у Кати было удивительное чувство покоя и счастья, которое если когда и было в жизни, то Катя его не помнит. Она подходила к вершине пригорка и видела расстилающийся от подножия простор. Вдруг внизу, среди яркой зелени она замечала белую точку. Постепенно точка начинала приближаться, двигалась к ней вверх. Вскоре Катя явственно видела, что это ребенок. Она начинала волноваться за него: добегит ли? Ведь здесь так высоко... Она что-то кричала ему сверху и не слышала своего голоса. Она подбадривала его, звала к себе. И ребенок бежал по крутому склону, падал, карабкался. А она почему-то не могла спуститься вниз и помочь и потому стояла и переживала за него. Ждала. Много раз на этом сон обрывался, и Катя просыпалась в своей общаге с тяжелым гнетущим чувством в душе.

А в последнем сне ребенок добегал и вцепился в ее подол своими ручонками. Тогда она и решила поехать и разыскать, где он похоронен.

Оказалось, это он живой звал ее! За последний месяц она прошла огни и воды, прежде чем найти его. И все же – нашла.

Мальчик чмокнул во сне губами, повернулся на бок и подложил кулачок под щеку. Из-под простыни высунулась поцарапанная коленка. Катя улыбнулась этой коленке и поправила простыню. Почему-то именно сейчас ей пришел на память тот самый день...

В тот день был суд. И Виктора приговорили к трем годам заключения. Катя сидела в зале суда и слушала такие вещи о нем, о которых не подозревала. Каждое обвинение, выдвинутое против Виктора, больно ударило ее в грудь, и Кате казалось, что скоро ей нечем станет дышать. А Пашкин был внешне спокоен, и, глядя на него, Катя невольно подумала, что судьи знают о нем не все и именно этим он особенно доволен. В зале было полно его друзей, многих Катя не знала. Были и его знакомые женщины. Катя была чужой в этой компании. В полном смятении она покинула здание суда. Домой она шла пешком через весь город. Думала. О чем? Сейчас уже не вспомнишь. Ей хотелось побыть одной, разобраться в том хаосе, который творился в душе. Наверное, поэтому она не сумела справиться с замешательством, когда увидела Юнина. Он сидел на лавочке возле общежития и явно дожидался ее. На нем был безупречный костюм. Вообще Славка выглядел шикарно: весь сиял успехом и комфортом. В руках он держал огромный букет белых роз. Катя поймала себя на мысли, что испытывает те же ощущения, как в юности, когда внезапно обнаруживала Юнина дежурящим у ее подъезда. Смесь досады и удовлетворения. Сложное чувство. Впрочем, Катя довольно быстро справилась с собой – взяла свой всегдашний беззаботно-насмешливый тон, который существовал у нее специально для общения с Юниным.

– Боже, Славик, какой ты красивый! – зашебетала она, открывая дверь своей комнаты. – По делам приехал, наверное? Как твой бизнес?

Юнин неторопливо прошел в Катину комнату, огляделся, сел в кресло и стал смотреть на Катю. Он не стал ей подыгрывать, не поддержал ее тон, и она поняла, что Юнин изменился.

– Я бабушку хоронить приехал, – буднично бросил он, и Кате стало неловко оттого, что она сама об этом не догадалась. Ведь слышала же, что Славкина бабушка умерла, но как-то не связала это событие с ним. Даже не подумала, что Юнин прилетит из Америки на похороны.

Славка достал из своей сумки бутылку вина, какие-то сладости, фрукты.

Катя положила салфетку на журнальный столик, поставила тарелки и бокалы. Она не могла не думать о том, что Виктор сейчас там, а она тут. Пьет вино в обществе мужчины. Да, теперь Славка выглядел мужчиной. Его подбородок обрел жесткость, был гладко выбрит и надушен дорогим одеколоном. В облике Юнина появилось что-то чужое, американское, и он,

конечно, показался Кате бесконечно далеким от той жизни, которую вела она. И все же это был он, Славка Юнин, ее давний воздыхатель, и то, что он не забыл ее, было приятно.

Вспомнили школу, посмеялись. Об общих знакомых можно говорить бесконечно.

– Расскажи о себе, – попросил Юнин.

Катя отрицательно покачала головой.

– Лучше ты о себе.

Юнин пожал плечами.

– Моя жизнь – работа. Она сплошь из ступенек, ведущих вверх. Ставлю цель, добиваюсь, ставлю новую цель. И так – каждый день.

– И какова твоя цель на сегодняшний день?

Юнин помолчал, сверкая своими пронзительно-синими глазами, и сказал:

– Увезти тебя с собой.

Катя почувствовала, как вино приятно растекается по телу горячей волной.

– Ты до сих пор не женат?

– Я не женюсь ни на ком, кроме тебя.

Катя улыбнулась, головой покачала:

– Не боишься холостяком остаться?

– А ты... не боишься всю жизнь – вот так?

Катя поднялась и отошла к окну. Отвернулась от Славки. Она прекрасно поняла, что он имел в виду: ее неустроенность, одиночество, неопределенность положения. Вот что она увидела глазами Славки Юнина. Главное, возразить было нечего. За окном темнело.

– Уже поздно.

Славка поднялся и отошел к двери. Катя хотела открыть ему, протянула руку, Славка взял ее за локоть. Он как-то мягко спрятал ее локоть в своей теплой ладони, и этот невинный жест что-то затронул в ней.

– Хочешь остаться? – просто спросила она. Славка кивнул. Тогда она закрыла дверь на ключ и повернулась к нему.

Их близость была полна нежности, которой Катя до сих пор не знала. Ей было уютно в теплом кольце его рук. Когда он под утро уснул, она лежала без сна и думала. Она позволила своей фантазии сделать финт – перенести себя на другой континент. Она видела себя в просторном двухэтажном доме с белой лестницей наверх, как в мексиканских сериалах. Дом ее украшали вазы с цветами, красивейшие настольные лампы и различные светильники. Из окна были видны бассейн с голубой водой и кусты роз. Она поднялась в детскую – там, среди множества ярких игрушек, сидели два ее малыша. Для удобства ее фантазия подбросила двойняшек: пухлых, розовых и довольных. Поиграв с воображаемыми детьми, Катя отправилась в свою комнату. Здесь ее ожидало море косметики, а в шкафу теснились вешалки с платьями. Все может быть именно так, Юнин все для нее сделает. На него можно положиться...

А утром позвонил Витька:

– Мне разрешили один звонок, – быстро говорил он в трубку. – Я хочу, чтобы ты знала: я люблю только тебя! Ты мне нужна. Ты слышишь? Все остальное – чушь. Только ты. Мне нужна только ты, поняла? Сегодня меня увозят. Я хочу, чтобы ты ждала меня, слышишь?!

– Да, да! – прокричала она в трубку, но там уже звучали гудки.

Когда она обернулась, увидела Славкины глаза.

– Ты едешь со мной? – Голос его прозвучал необычно жестко.

– Нет, – ответила Катя.

Глава 8

Филипп Смит уже бывал в России, но снова, едва ступив на эту землю, был охвачен чувством искреннего недоумения, которое посещало его всякий раз, когда он бывал здесь. Он, например, не мог взять в толк, почему на многочисленных бензозаправках, усеявших трассу, нет туалетов. А если деревянная будка с дыркой и имеется, то, как правило, на ней висит внушительный замок и табличка с надписью, из которой Филипп мог сделать вывод, что это элитное заведение предназначено исключительно для obsługi. Когда он спросил об этой метаморфозе шофера такси, тот ничего вразумительного ответить не смог.

От Москвы из-за нелетной погоды Филиппу пришлось ехать поездом, и он вдоволь насмотрелся на эти бескрайние ничьи просторы, поросшие разнотравьем, запущенные, полуразрушенные деревни с покосившимися избами в диком соседстве с краснокирпичными особняками в несколько этажей.

«Зачем строить особняк в таком неприглядном, необустроенном месте? – недоумевал Филипп, вглядываясь в картину за окном. – Не разумнее ли выделить район для богатых особняков? Неужели местное население не корбит подобное соседство? Неужели состоятельному человеку не больно и не стыдно видеть ежедневно нищету малоимущих? Странно. Весь мир добровольно делится на престижные районы и районы для бедных. Россия же, как нарочно, выпячивает свои болячки, чтобы те были заметнее, все смешивая. Филиппу доводилось бывать в некоторых семьях, видеть тесноту квартир, и теперь, обозревая эти никем не востребованные земли, он недоумевал: почему народ живет в тесноте? Почему нет компаний, которые бы строили и сдавали бы людям жилье, чтобы каждая семья могла снять квартиру по своим средствам, а не ходить друг по другу в душных неудобных клетках? Ведь кругом столько места. Россия отнюдь не Япония...

Филипп ничего не мог понять в устройстве этой огромной безалаберной страны, но не мог и оставить свои попытки понять, поскольку Россия была интересна ему. Особенно – люди. Сейчас, сидя в такси, преодолевая последние десятки километров до Октана, родного города Станислава Юнина, Филипп пытался разговаривать с таксистом, но – безуспешно. Тот как воды в рот набрал. Филиппу ничего не оставалось, кроме как смотреть в окно, но мелькающие там картины отнюдь не радовали глаз. Все то же тесное соседство лачуг с особняками, кичливая безвкусица построек, люди, рассеявшиеся вдоль дороги в надежде что-нибудь продать, бесчисленные шашлычные и беспорядочные перелески, сплошь загаженные из-за отсутствия придорожных туалетов. Нелепый замкнутый круг. Внезапно шофер молча свернул с трассы в один из таких перелесков и остановил машину.

– Просвежиться не хочешь, американец? – обернулся водитель и кивнул в сторону леса. Филипп прекрасно понял подтекст слова «просвежиться» и отрицательно помотал головой. Шофер пожал плечами, неторопливо вылез из машины и побрел к деревьям.

Прошло минут пять, шофера не было. Филипп выбрался из машины – размяться. День выдался солнечный, теплый. Тишину леса нарушал только близкий шум трассы. Обилие ярко-желтых одуванчиков несколько примирило Филиппа с несовершенством российских дорог, и он широко улыбнулся. Все-таки жизнь прекрасна. Он представил лицо адвоката своей бывшей жены Деборы, который наверняка заявится к нему в офис именно сегодня, выдвинув новые предложения, касающиеся раздела имущества. И вот ему сообщают, что Филиппа нет в офисе. Нет в Нью-Йорке! Нет в Америке! Хэлло, Дебора!

Филипп усмехнулся. Он так устал от бесконечных претензий супруги, что последнее время общался с ней исключительно через адвоката. Но адвокат, ничем не похожий внешне на Дебору, неизменно вызывал у Филиппа ассоциацию с бывшей женой, и сей факт начинал

раздражать. Поэтому управляющий компанией «Юнико» был рад возможности исчезнуть из поля досягаемости Деборы – улететь в Россию.

Когда из лесочка вместо шофера вышли двое парней, Филиппу стало не по себе: он сразу понял, что они не пройдут мимо. Машинально оглянулся и увидел третьего, обходящего машину сзади. Мысли роем пронеслись в голове, вытолкнув из общей массы одну, наиболее реальную: «Им нужны деньги. Отдай».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.